

НАУКА – ОБРАЗОВАНИЕ – ЭКОНОМИКА: новые тренды и риски

Сборник научных трудов IX Уральских научных чтений
профессоров и докторантов гуманитарных наук

(Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Институт экономики Уральского отделения РАН
Уральский государственный экономический университет

НАУКА — ОБРАЗОВАНИЕ — ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РИСКИ

Сборник научных трудов
IX Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук

(Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.)

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2022

УДК 330.341.424
ББК 65.011+65.9(2Рос)
НЗ4

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор, ректор
Уральского государственного экономического университета
Я. П. Силин
доктор географических наук, профессор
Уральского государственного экономического университета
Е. Г. Анимица

Ответственный редактор

доктор экономических наук, доцент
Уральского государственного экономического университета
Н. А. Истомина

НЗ4 **Наука – образование – экономика: новые тренды и риски :**
сборник научных трудов IX Уральских научных чтений профессоров
и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.)
/ [отв. за вып. : Я. П. Силин, Е. Г. Анимица ; отв. ред. Н. А. Истомина]
; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации,
Уральское отделение Вольного экономического общества России,
Институт экономики Уральского отделения РАН, Уральский
государственный экономический университет. – Екатеринбург :
УрГЭУ, 2022. – 141 с.

В сборник вошли публикации по результатам научных исследований, проведенных под руководством ведущих ученых – докторов наук. Тематика публикаций охватывает различные аспекты развития общества, науки, образования, экономики в условиях современных трендов и рисков: справедливость и духовно-нравственная культура России, развитие научно-образовательной деятельности университетов, региональная и муниципальная экономика, регуляторная политика и инвестиционное развитие, фондовый рынок, цифровизация в финансовой сфере, в области управления персоналом, функционирование сферы социальных услуг и др.

Для представителей академической науки, вузовских исследователей, соискателей ученых степеней, специалистов-практиков, магистрантов.

УДК 330.341.424
ББК 65.011+65.9(2Рос)

© Авторы, указанные в содержании, 2022
© Уральский государственный
экономический университет, 2022

Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев

Справедливость — основа социально-экономического развития новой России

Дискуссии о сравнительной роли духовно-нравственной парадигмы в экономическом развитии России насчитывают не одну сотню лет. В статье исследуются некоторые духовно-нравственные факторы, определяющие характер социально-экономической динамики современной России. Раскрывается значимость богатства и бедности в стране в целом и на уровне мезорегионов. Показано, что сохраняется долговременная тенденция пространственного экономического неравенства. Поддержание социальной справедливости в пространственном аспекте должно быть предметом специальной экономической политики.

Ключевые слова: духовно-нравственная парадигма; справедливость; богатство; бедность; территориальная диспропорция.

Введение. Исследования социально-экономических процессов, происходящих в России на протяжении последних 30 лет, показывают, что страна находится в затяжном всеохватывающем кризисе. Результаты свидетельствуют, что основные причины кризиса коренятся, наряду с другими факторами, в потере традиционного самосознания русского народа, в духовной дезорганизации большинства населения, в смене ценностных координат.

В настоящее время перед российскими учеными стоит сложная задача осмысления роли и места духовно-нравственных принципов в современной экономике, их влияния на формирующиеся новые социально-экономические отношения и в целом на систему общественного хозяйства. На наш взгляд, следует говорить о двух основополагающих подходах к определению духовно-нравственных начал в хозяйственной деятельности: религиозном и нерелигиозном, научном. Вместе с тем мы подчеркиваем, что наука и религия во многих вопросах духовно-нравственного развития общества и хозяйства не должны отрицать друг друга, а наоборот, помогать друг другу в трактовке узловых понятий общества и экономики, в раскрытии сущности человеческой деятельности. Научно-религиозное восприятие мира и хозяйственной деятельности необходимо для глубокого объективного понимания причинно-следственных связей не только исторических событий. Оно помогает создать приемлемую науч-

ную базу для осмысления хода экономических процессов, связей, отношений, хозяйственных сил во времени и пространстве.

Социально ориентированное российское государство должно решить ряд ключевых задач общественного развития, в том числе экономически обеспечить, исходя из социальных, а не рыночных критериев и «правил игры», каждому своему гражданину гарантированный доступ к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, минимального дохода.

Поэтому духовно-нравственный аспект формирования и развития хозяйства нами рассматривается как область не только философских, но и собственно экономических, в том числе региональных, исследований.

В России *справедливость* — один из важнейших компонентов духовно-нравственной парадигмы, находится в системе основных ментальных приоритетов населения страны. Не учитывать справедливость при анализе, обобщении и проектировании экономических процессов — значит обрекать свои проекты, планы и прогнозы на провал.

Сущностно-содержательное видение справедливости. Прежде всего следует определить, что такое справедливость.

В написанном еще в XI в. «Слове о законе и благодати» митрополит Киевский Иларион благодать (благодать) называл «истинным светом Божиим», ниспосланной человеку свыше, к исполнению воли Божьей [11; 14]. А законы, по существу, представляют собой проекцию благодати и истины на текущую реальную жизненную основу. Иными словами, изначально благодать (благодаяние, благотворение) была на Руси первой, главной национальной идеей, способной творить чудеса. Все остальное — это производное от благодати.

Подобную благодатную роль в обществе играет и справедливость. Справедливость — это отношения между людьми — моральные, правовые, социальные, материальные, когда максимальное количество людей получает от этого максимальную выгоду, максимальный доступ к человеческим благам, максимальную возможность счастья. Справедливость в философском понимании — это понятие о должном, это соответствие деяния и воздаяния. С позиций экономической науки распределение благ

должно быть, с одной стороны, равноправным, а с другой — эффективным [3, с. 627].

Понятие «справедливость», несмотря на особую актуальность и популярность в общественных науках, продолжает оставаться в числе наиболее трудно формулируемых, поскольку справедливость является широким понятием, под этим углом зрения рассматриваются практически все сферы общественной жизни, все области человеческой деятельности [10, с. 5]. Она входит в тройку неформальных правил высшего порядка или, как говорят экономисты, «надконституционных правил». Это — *право, правда и справедливость*. Если право — это юридическая норма, по которой живут люди, правда — это реальный образ настоящего и будущего, то справедливость — их интегрирует!

По мнению античного мыслителя Платона, справедливо все то, что содействует интересам государства, и в соответствии со справедливостью должны строиться право, правосудие, жизнь и деятельность каждого индивидуума и всего государства в целом [12, с. 578–579].

Гарвардский профессор, философ Джон Ролз в своей фундаментальной монографии «Теория справедливости» доказывал, что «справедливость — это первая добродетель общественных институтов» [13, с. 19]. Он предложил свой, крайне простой подход к пониманию того, что такое справедливость. «Модель справедливости» должна исходить не из нравственных норм, а из набора правил общественного устройства, о которых разные люди заранее договариваются (так называемая «договорная» теория справедливости).

Мечта о справедливости была основной движущей силой всех крестьянских бунтов, мятежей и восстаний в России. Именно тяга к справедливости подняла народ на революцию в 1917 г. Как утверждает Михаил Веллер, философ и писатель, «дефицит справедливости оказался острее дефицита продуктов»¹.

В методологическом плане при исследовании справедливости специалисты изначально разделяют ее на природную и социальную, т. е. установленную людьми [9, с. 13].

¹ Веллер М. И. Максимальная возможность счастья // АиФ. 2021. № 35. С. 12.

Еще Аристотель доказывал: «Справедливость может быть природная и установленная законом»; «Справедливое — это то, что находит себе место в общении людей внутри государства, справедливость и справедливый человек имеют отношение к гражданскому справедливому»; «Справедливое от природы выше справедливости по закону, однако исследуем мы гражданское справедливое, а оно существует по закону, не от природы» [1, с. 327–328].

Справедливость не рассматривает какие-либо природные явления и процессы, к которым человек не имеет никакого отношения. Мы можем использовать понятие «природная справедливость» исключительно в том смысле, что человек имеет естественное право на жизнь, свободу и собственность, развитие и реализацию своих природных задатков.

Член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг, интегрируя размышления великих мыслителей о социальной справедливости, пишет: «Бросаются в глаза, во-первых, устойчивость идеи социальной справедливости во всех основных философских учениях, а во-вторых, настойчиво устанавливаемая всюду связь справедливости с представлениями о демократии и свободе» [8, с. 219–220].

Профессор А. В. Бузгалин формирует мысль, что «реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источником развития должен стать массовый креативный класс (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества)» [4, с. 136–137].

Социальную справедливость мы понимаем как систему правил, норм и принципов, на базе которых основано и функционирует данное общество, исходя из теоретических и обыденных представлений о справедливости.

В массовом сознании социальная справедливость видится как определенное распределение жизненных благ и доходов между людьми в обществе, а также наличие равных возможностей для самореализации и продвижения личности по социальной лестнице.

Понимание справедливости носит ярко выраженный конкретно-исторический характер, оно ограничено историческими

реалиями, характером того общества, в котором живут люди. Экономическое понятие справедливости означает в первую очередь эквивалентность обмена.

Перекосы в распределении благ в пользу узкого слоя людей в ущерб основной массе работающего населения сужают платежеспособный спрос, сдерживают рост производства. Кроме того, справедливое вознаграждение человека в зависимости от трудовых и иных его заслуг обосновывает тот или иной статус (материальный или социальный) индивидуума в общественном мнении.

Хотя справедливое вознаграждение зависит от конкретных условий развития страны или региона, эффективности всей экономики, оно в конечном итоге должно обеспечить воспроизводство и совершенствование рабочей силы. Имущественные различия имеют допустимые пределы в обществе. Чрезмерная поляризация доходов между богатыми и бедными является вызовом чувству социальной справедливости и чревата конфликтами.

Проблемы неравенства. В современной России весьма острой проблемой, далекой от справедливости, остается проблема имущественного неравенства. По данным Росстата, в 2020 г. 17,8 млн чел. числилось с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (12,2 % общей численности населения). Более 33 % малоимущих хозяйств — это семьи с двумя детьми (2019 г.). В то же время на долю 10 % самых обеспеченных граждан приходится 82 % богатства страны. Данную ситуацию никто не может воспринимать как справедливую.

Богатство и справедливость в России — понятия-антагонисты.

Отличительной чертой российского национального менталитета было отсутствие *культы богатства*, «греховность» капитала. Обилие поговорок: «Деньгами души не выкупишь», «Богатому деньги черти куют», отражает вполне определенное отношение народа к богатству. Пренебрежительно говорили «процентчики» о лицах, занимавшихся выдачей кредитов, даже под низкие проценты.

Подобная позиция имела серьезные исторические корни: еще **Соборное уложение** 1649 г., представляющее собой свод

законов Русского государства, принятый Земским собором в 1648–1649 гг. и действующий вплоть до первой половины XIX в., осуждало выдачу денег под проценты как богопротивное дело [15].

Этические нормы православия смягчали *стяжательство*, облагораживали *социальный облик* предпринимателя.

С другой стороны, эти же нормы отрицательно сказывались на функционировании и развитии производительного капитала, чем объясняется более позднее возникновение и развитие банковской системы в России.

В «Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятом на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного русского народного собора 4 февраля 2004 г., постулируется: «Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную „войну всех против всех“»¹.

А какова ситуация в нынешней России с богатством в смысле обладания человеком финансовыми и материальными ценностями, превышающими его жизненные потребности?

Совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов — граждан России (с годовым доходом свыше 550 млрд долл.), по данным российской версии журнала Forbes, в 2021 г. составило 663 млрд долл., а за коронавирусный год оно выросло на 207 млрд долл. — это рекорд в истории рейтинга². В рейтинг 2021 г. впервые вошли 13 предпринимателей (традиционно в рейтинг не включаются госслужащие)³. Среди «новичков» нет ни одного представителя сырьевой экономики, а поразительные результаты продемонстрировал сектор интернет-компаний.

¹ Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Православная беседа. 2004. № 2. С. 8–12.

² 200 богатейших российских бизнесменов. Рейтинг Forbes // Forbes Россия. URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshin-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 31.01.2022).

³ Ляликова А. В новом свете: кто впервые вошел в рейтинг Forbes богатейших бизнесменов // Forbes Россия. 2021. 21 апр. URL: <https://www.forbes.ru/rating-photogallery/426925-v-novom-svete-cto-vpervyye-voshel-v-reyting-forbes-bogateyshih-biznesmenov> (дата обращения: 31.01.2022).

122 миллиардера (2021 г.) сконцентрировали половину всего богатства страны. По меркам справедливости показатели просто дикие!

Основа богатства большинства миллиардеров — лихие девяностые, в первую очередь залоговые аукционы, когда жемчужины советской государственной собственности перешли за гроши в частные руки. Более того, олигархи свои капиталы, заработанные в России, держат за рубежом и выступают в итоге налоговыми резидентами других стран. Справедливо ли это? Мировой опыт показывает, что прогрессивная шкала налогообложения — лучший способ привести неравенство хоть в какие-то рамки. В развитых странах налог на сверхбогатых людей достигает 50–60 %. Таким образом ограничивается потребление роскоши. В России первый шаг уже сделан. С 2021 г. россияне, зарабатывающие более 5 млн р. в год, будут платить не 13 %, а 15 %. Шаг маленький, но в правильном направлении.

В России новой социальной проблемой становится *бедность*, когда индивид или социальная группа не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности и продолжения рода [2; 5]. Как утверждает профессор Н. Е. Тихонова, в России «как никогда велика бедность работающих граждан». Ситуация с бедностью в России обусловлена не только общей экономической ситуацией, в том числе и в связи с пандемией, но и низким уровнем заработной платы.

Уровень оплаты труда в России далек от принятого в развитых странах. По данным Росстата, в 2020 г. средняя зарплата в стране составила 51 344 р. в месяц, в том числе в Сахалинской области — 92 518 р., а в Ивановской области — 29 083 р., в Ингушетии 29 648 р., в Крыму — 34 181 р., в Севастополе — 36 300 р. В то же время в Дании средняя зарплата в рублевом эквиваленте составляла 362 тыс. р., в Норвегии — 313 тыс. р., в Германии — 193 тыс. р., во Франции — 189 тыс. р., в Польше — 67 тыс. р., в Португалии — 60 тыс. р. Средняя зарплата, которую фиксирует статистика — это не те деньги, которые получает большинство населения. Большинство работающих зарабатывает ниже среднего уровня.

По данным Росстата, в России 73 % работников получают зарплату ниже 45 тыс. р. в месяц, в том числе 53 % — ниже 35 тыс. р. И только 2 % — это те, кто получает более 100 тыс. р. в месяц. Не случайно платежеспособный спрос населения очень низкий. Именно такие невысокие доходы большинства населения тормозят развитие многих отраслей экономики и не позволяют развиваться малому бизнесу.

Правительство РФ 26 ноября 2021 г. утвердило новый термин — «граница бедности», черта, которая отделяет бедных граждан страны от всех остальных. Раньше порогом служил прожиточный минимум, который сильно зависел от продовольственной корзины. С конца ноября 2021 г. для расчета границы бедности берется не продовольственная корзина, а 42 % от медианного дохода населения (против 60 % в европейских странах). Это — срединная величина, относительно которой у половины населения страны доходы выше, а у половины — ниже. В итоге граница бедности зависит сейчас не от цен на продукты, а от доходов людей.

Сейчас 75 % социальных выплат в России выделяется безадресно, без учета доходов населения. Нужно бороться с неравенством не только с помощью единовременных выплат, но и посредством действенной, остро направленной политики.

Тогда помощь достается в первую очередь тем, кому она нужна, и на каждого бедного придется выплат во много раз больше, чем сейчас.

Нарастает напряжение в области огромного неравенства между регионами. Это так называемое **пространственное экономическое неравенство**. Мы имеем группы регионов с разными физическими, образовательными и имущественными характеристиками, с неодинаковыми традициями. По уровню ВРП на душу населения в 2019 г. богатейший регион — Сахалинская область и беднейший — Республика Ингушетия различаются в 16,5 раза, а в сравнении с Ненецким автономным округом — почти в 52 раза, с Ямало-Ненецким автономным округом — почти в 39 раз.

Академик РАН А. Г. Гранберг в начале 2000-х гг. писал о процессах увеличения разрыва между наиболее и наименее развитыми регионами — субъектами РФ. Он доказывал, что по

степени межрегиональной социально-экономической дифференциации Россия занимает первое место в мире, а различия между российскими регионами превышают различия между самыми богатыми и самыми бедными странами мира [7, с. 58].

По уровню бедности разброс в пространственном аспекте тоже огромный. Если в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане за чертой бедности живет менее 10 %, то в Тыве, Калмыкии, Ингушетии доля бедных доходит до 40 % населения. У этого дисбаланса десятки причин, включая исторические. В тучные времена государство стремилось сглаживать межрегиональное неравенство с помощью финансовой поддержки по формуле: чем беднее регион, тем больше он получал из центра различных дотаций, субсидий и субвенций. Но в 2015–2020 гг. объем вливаний из центра в экономику регионов сократился в реальном выражении до 20 %. В результате на территории субъектов РФ уменьшились расходы на образование, на социальную защиту, на инфраструктуру.

Заключение. Итак, соблюдение и поддержание социальной справедливости в пространственном аспекте должно быть предметом специальной региональной экономической политики государства. Размышляя о путях развития экономики России в контексте духовно-нравственной парадигмы, мы присоединяемся к мнению профессора А. П. Ветошкина, который подчеркивал: «1150-летний опыт России убеждает в необходимости хранить верность духовному наследию, своему предназначению, духовно-нравственному идеалу, запечатленному в нашей вере и культуре, образовании и воспитании, философии и науке, укорененному в традициях, самом хозяйственном и социальном складе жизни народа» [6, с. 224].

Библиографический список

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; примеч. В. В. Библихина и др. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. *Бедность* и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Е. И. Пахомова и др. М.: Весь Мир, 2014. 304 с.
3. *Большая экономическая энциклопедия: БЭЭ: самое полное современное издание: более 7000 экономических терминов и понятий /*

Т. П. Варламова, Н. А. Васильева, Л. М. Неганова и др. М.: Эксмо, 2007. 816 с.

4. *Бузгалин А. В.* Справедливость как предпосылка свободы и эффективности: обновление социального проекта возможно? // Социологические исследования. 2013. № 3 (347). С. 135–145.

5. *Вавилина Н. Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск: СибАГС, 2000. 510 с.

6. *Ветошкин А. П.* Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. 2012. Тематический выпуск № 9–10: Материалы VIII Международных Ильинских чтений «Духовно-нравственный путь развития России» (14–15 июня 2012 г.). С. 224.

7. *Гранберг А. Г.* Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57–81.

8. *Гринберг Р. С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. 412 с.

9. *Исмаилов Н. О.* Справедливость: концептуальные основы и актуальные проблемы. М.: НИИ ИЭП, 2016. 210 с.

10. *Клементьев Д. С.* Исторические метаморфозы справедливости в процессах социального управления // Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти: материалы 10-й Международ. науч. конф. факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (29–31 мая 2012 г.): в 3 ч. М.: МГУ, 2013. Ч. 3. С. 5–14.

11. *Мильков В. В.* Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. / отв. ред. А. А. Баженова. М.: ИФ РАН, 1986. Ч. 2. С. 8–40.

12. *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; прим. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 4. 830 с.

13. *Ролз Дж.* Теория справедливости: пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. 3-е изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.

14. *Слово о законе и благодати митрополита Илариона* / подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, пер. диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 26–61.

15. *Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии* / ред. кол.: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков (рук. авт. колл.), В. М. Панях. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.

Духовно-нравственная культура России в современную информационно-цифровую эпоху

В статье рассматривается проблема кризиса современной духовно-нравственной культуры, выявляются ее черты. Делается вывод, что в сравнении с прошлой эпохой (советским строем, временем перестройки) наблюдается кризис духовно-нравственной культуры с точки зрения массовости и глубины распространения единых ценностей, однако на смену уходящей культуре приходит новая.

Ключевые слова: культура; духовно-нравственные ценности; информационная эпоха.

Постановка проблемы. Духовно-нравственная компонента культуры включает в себя такие нравственные ценности, как честь и совесть, долг и ответственность, гражданственность и патриотизм, она проявляется в терпении и милосердии, способности различать добро и зло, самоотверженности, готовности служить людям и Родине.

Существует ли кризис духовно-нравственной культуры в современном российском обществе? Это ключевая проблема, по которой сегодня даже известные ученые кардинально расходятся во мнении. Доктор философских наук, профессор В. Э. Бойков отмечает, что кризис наверняка есть; доктор философских наук, профессор В. Н. Порус высказывается еще более категорично — сегодня мы наблюдаем не просто состояние кризиса, но катастрофы. В. Л. Романов (доктор социологических наук, профессор) убежден, что мы находимся на грани кризиса. Ж. Т. Тощенко (доктор философских наук, профессор) считает, что если он и проявляется, то в каких-то отдельных аспектах; О. Н. Астафьева (доктор философских наук, профессор), считает, что духовная культура не находится в кризисе, о кризисе можно говорить только если подходить к ней с завышенных требований [1]. Этот далеко не полный перечень ясно показывает, сколь противоречивы сегодня позиции по оценке состояния духовно-нравственной культуры современного российского общества. Они демонстрируют не только сложность самого предмета исследования, но и разнообразие вариантов его изучения.

Методология и методы изучения. Обосновывая свою точку зрения, авторы используют разные методологические под-

ходы. Так, А. В. Юревич и Д. В. Ушаков применяют метод перечисления конкретных примеров [3]. Они приводят набор ужасающих фактов о состоянии преступности в нашей стране, количестве суицидов, наркоманов, росте смертности, коррупции и т. п. и сравнивают эти данные с данными других стран. Картина получается удручающая и на первый взгляд убедительно доказывает состояние кризиса. Однако приверженцы противоположной точки зрения могли бы выстроить целую цепочку других примеров: в стране не существует смертной казни, не легитимизируется гомосексуализм, увеличивается количество волонтеров, люди добровольно занимаются решением экологических проблем, сдают кровь, откликаются на призывы о помощи больным детям и др. Методом конкретных примеров нельзя убедительно доказать ту или иную точку зрения, на каждый пример всегда можно найти противоположный.

В определенной степени о состоянии духовно-нравственной культуры свидетельствует статистика, которая фиксирует ее проявление в деятельности (количество читателей в библиотеках, количество компьютеров, состояние преступности и т. п.). Однако, как правило, эти данные дают информацию о каком-то отдельном сегменте культуры и не раскрывают картину целиком.

Более надежной методологией исследования можно считать социологические и психологические методы (опросы, глубинные интервью, тесты и пр.). Однако и их нельзя признать абсолютно точными, так как само понятие «культура» достаточно неоднозначно, понимается по-разному и сложно операционализируется (доводится до однозначного толкования). Кроме того, нередко в случае сенситивных вопросов респонденты склонны давать завышенные самооценки, что искажает реальную картину. Однако в случае репрезентативного социологического исследования и использования валидных тестов ученый может выявить наиболее повторяющиеся тренды, субъективное мнение респондентов.

В качестве методологической базы таких исследований нередко используется концепция М. Рокича, который подразделил все ценности на терминальные и инструментальные [4].

Выводы. Обзор опубликованных работ по теме позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, следует констатировать, что духовно-нравственная культура современного российского общества неоднородна, дифференцирована, она распадается на культуры разных групп. В обществе есть группы, демонстрирующие высокодуховное и нравственное поведение, и одновременно — группы девиантные. Исследовательский вопрос заключается в том, каких групп у нас больше и какова динамика их нарастания. На этот вопрос у современной науки пока нет однозначного ответа.

Во-вторых, изменился набор социальных акторов, которые больше всего влияют на формирование и развитие духовно-нравственной культуры. В годы СССР все акторы действовали синхронно и согласованно. Это были государство, семья, все учебные заведения, все средства массовой информации, которые активно внедряли систему моральных принципов строителей коммунизма. Синхронность работы акторов позволила создать у основной массы населения единый духовно-нравственный настрой, который ярко проявил себя в годы войны. В годы перестройки эта система была во многом разрушена, появилась новая активная социальная сила — бизнес, который привнес в наше общество ценности рыночной экономики. Также рухнувший «железный занавес» способствовал проникновению в страну западных ценностей, идей различных религиозных конфессий.

Сегодня на социальной арене наиболее активно проявляют себя (наряду с семьей, которая переживает нелегкие времена, но все же остается важнейшим социальным институтом) такие акторы, как государство, бизнес и агрегаторы Интернета.

Государство разработало Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.¹, в которой перечислены духовно-нравственные ценности, сложившиеся в процессе культурного развития России. Оно предпринимает шаги в сторону усиления контроля за интернет-контентом, запрещая проявление национализма, разжигания национальной розни и пр., обязало не только школы, но и высшие учебные заведения проводить воспитательную работу. Интернет в современную информационную эпоху стал главным источником информации,

¹ *Стратегия* развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р.

он в значительной мере формирует духовно-нравственную культуру граждан [2]. Бизнес оказывает существенное влияние на информационно-развлекательный контент, появился особый феномен «шоу-бизнес», подчеркивающий неразрывную связь бизнеса и культуры.

Сегодня роль носителя и пропагандиста нравственных ценностей пытается взять на себя церковь. Однако она сама неоднородна, в ней также есть высоконравственные люди и те, которых таковыми признать нельзя. Достаточно привести данные из Германии (2021 г.) о 124 священниках и работниках католической церкви, которые публично объявили о своей причастности к квир-сообществу. Они требуют пересмотреть постулаты о гендере и сексуальности в церковном учении¹. При этом в IV в. христианские императоры приговаривали мужеложцев к сожжению, в VI в. — кастрировали и водили по улицам на потеху толпе.

В-третьих, на смену книжной культуре приходит новая экранная культура. Экранная культура также неоднородна, ее признаком можно назвать новый вид неравенства — информационное неравенство, проявляющееся в неравном доступе к Интернету и в глубине овладения информационными технологиями. Она привела к индивидуализации, вместо стандартизации возникли разнообразие и клиповость духовно-нравственного мира большинства граждан.

В-четвертых, культура стала массовой. Это означает не только легкость приобщения к духовно-нравственным ценностям, но и ее размытость, разноплановость, крен в сторону удовлетворения главным образом базовых человеческих потребностей (еда, жилище, размножение, сон, отдых). Все более проявляет себя развлекательный характер в отборе фильмов, книг для чтения, проведение времени за компьютерными играми, просмотр интернет-каналов. Поскольку Интернет позволяет любому пользователю не только получать информацию, но и загружать свою, то в целом наблюдается возрастание недостоверной, фейковой и просто лживой информации, что в целом говорит о сни-

¹ Тяжелый крест: как католики примиряются с гомосексуальностью. URL: <http://www.furfor.me/furfor/culture/culture/177351-katoliki-i-gei> (дата обращения: 31.01.2022).

жении ее качества. Интернет требует новой культуры обращения с информацией, так, сегодня нужно обладать навыками не только сбора информации, но и перепроверки полученных сведений.

В-пятых, как показывают результаты исследований, более всего подвержены изменениям инструментальные, а не терминальные ценности. Американский психолог М. Рокич составил список терминальных ценностей из 18 пунктов [4]. Среди них любовь, дружба, здоровье, переживание прекрасного, возможность познания, развитие, свобода, интересная работа, счастье окружающих, материальная обеспеченность, признание и др. Терминальные ценности — это базовые ценности, то, что близко к понятию смысла жизни. Инструментальные ценности — ценности-средства, инструменты, которые необходимы для достижения целей конечных, терминальных (ответственность, смелость, логичность, нежность, умение прощать и т. д.).

По данным ВЦИОМ (2020 г.), важнейшими ценностями у россиян являются свое здоровье и здоровье родных (18 %) (учтем влияние пандемии коронавируса), отношения с семьей и родственниками (12 %), наличие работы и возможность контактировать с другими людьми (по 10 % соответственно)¹. Несмотря на все разрушительные процессы, семья по-прежнему сохраняет свою терминальную ценность для большинства граждан.

В-шестых, духовно-нравственное состояние общества во многом определяется общими экономическим и социокультурными процессами, на них влияют как внутренние, так и внешние факторы. Инфляция, падение жизненного уровня, пандемия COVID-19, информационное нагнетание внешней военно-политической угрозы — все это приводит к тому, что население испытывает состояние духовного напряжения, стресса, фрустрации. В этом коренится одна из причин, почему сегодня люди предпочитают развлекательную информацию — она дает возможность расслабиться, уйти от проблем.

Заключение. На наш взгляд, если подойти к проблеме оценки духовно-нравственной культуры современного россий-

¹ *Карта* страхов россиян: осень-2020 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020> (дата обращения: 31.01.2022).

ского общества, сравнивая ее с ушедшей эпохой (советским строем, временем перестройки), мы, несомненно, наблюдаем ее с точки зрения массовости и глубины распространения единых ценностей, однако общество не может существовать вне культуры, поэтому взамен ушедшей культуры формируется новая. Новая культура опосредуется информационно-цифровой эпохой, она приводит к глубокой дифференциации культуры общества, ее массовости, в ней доминируют иные социальные институты влияния, другие акторы. Но она также имеет момент преемственности — изменения в содержании культуры в основном касаются скорее инструментальных, нежели базовых терминальных ценностей. Вопрос о том, можем ли мы оценивать эти изменения как позитивные или негативные, как крах или прогресс, вряд ли возможно решить сегодня, в ходе самого процесса функционирования духовно-нравственной культуры. Возможно, мы не можем ответить на этот вопрос по причине его актуальности, так как для оценки некоторых событий требуется время. Например, в Древней Спарте война и захват других территорий считались признаком доблести, бои гладиаторов на арене — хорошим развлечением. Прошли века, и наша оценка этих событий изменилась кардинально.

Библиографический список

1. *Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования (материалы «круглого стола») / В. Э. Бойков, В. К. Егоров, Ж. Т. Тощенко и др. // Социология власти. 2005. № 3. С. 47–74.*
2. *Хасьянов В. Б. Духовно-нравственное воспитание молодежи с использованием средств медиаобразования // Magister Dixit. 2011. № 4. С. 23.*
3. *Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Психологические исследования. 2009. № 1 (3). URL: <https://psystudy.ru/num/2009n1-3/41-yurevich3> (дата обращения: 25.01.2022).*
4. *Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. 456 p.*

Развитие научно-образовательной деятельности университета на основе создания Единого инновационного комплекса

В статье представляется опыт трансформации Уфимского государственного авиационного технического университета в рамках ориентации на модель Университет 4.0. Создание Единого инновационного комплекса и объединение в нем приборной базы университета позволило обеспечить эффективное и безопасное использование дорогостоящего оборудования, систематизировать проведение научно-исследовательских и образовательных работ в университете.

Ключевые слова: Единый инновационный комплекс; приборная база; коммерциализация научно-исследовательских разработок; трансформация университета.

Введение. Стремительность изменений, происходящих в современной системе высшего образования, обусловлена вызовами развития общества.

Расширение сферы коммуникаций, в том числе в цифровом пространстве, активная модернизация производства в русле формирования глобальной цифровой экономики, увеличение числа активных стейкхолдеров внутри и вокруг высших учебных заведений требуют от университетов такой же активной мобильности по трансформации внутреннего пространства и организационной структуры.

Университеты сегодня переживают сильную конкуренцию с крупными корпорациями и высокотехнологичными предприятиями, в связи с чем выполнять образовательную, научную и инновационную деятельность им становится все сложнее.

Одним из основных трендов развития мировой системы высшего образования является постепенное преобразование в модель Университета 4.0 как института развития смарт-сообществ или «общества знаний», создающего ценности и смыслы для современной индустрии [4, с. 42].

Университет 4.0 объединяет в себе физическое и виртуальное пространства; подразумевает синтез умных технологий и человеческих возможностей; развивается на цифровых платформах с образованием интеллектуальных сообществ и сетей;

является перспективой, обозначенной появлением новых вызовов, стратегических задач и прорывных технологий.

Рядом стратегических документов развития цифровой экономики страны четко обоснована потребность в решении задач повышения инновационной активности и эффективной коммерциализации высших образовательных учреждений, внедрения их разработок в различные сферы технологического рынка¹. На ведущие высшие учебные заведения возлагается одна из ключевых миссий в развитии информационного общества страны — стать центрами региональных инновационных экосистем. Например, активно реализуется приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций», ориентированный на активное участие университетов в региональном социально-экономическом и инновационном развитии².

Кроме того, вузы новой модели должны стать инфраструктурной платформой для разворачивания широкого спектра поисковых активностей [1, с. 21].

Все это требует от университетов трансформации структуры и изменения стратегий развития.

Создание Единого инновационного комплекса. Программа стратегического развития ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (УГАТУ) на 2022–2025 гг. разработана и реализуется в контексте целенаправленной трансформации вуза в модель Университета 4.0.

Стратегическая цель УГАТУ — трансформироваться к 2025 г. в инновационный университет, ориентированный на создание конкурентоспособных на мировом рынке продуктов в областях новых материалов для машиностроения и медицины, технологий гибридного и электродвижения, интеллектуальной фотоники за счет развития передовых научных школ, трансфера технологий и партнерства с научно-образовательными и производственными организациями в России и в мире.

¹ *О Стратегии* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

² *Паспорт* приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол № 9 от 25 октября 2016 г.).

Трансформация университета осуществляется во всех сферах деятельности в соответствии с задачами: внедрить в образовательный процесс лучшие российские и международные практики, обеспечивающие опережающую подготовку инженерных кадров; модернизировать систему управления университетом; создать условия для более высокого материального благополучия работников и студентов университета; сформировать умную, комфортную и безопасную среду для реализации личностного и профессионального потенциала работников и студентов.

В сфере научно-исследовательской деятельности поставлена задача обеспечить качество, эффективность и востребованность научных исследований университета, интегрировать научную и образовательную деятельность.

Комплексная задача была сформулирована на основании анализа имеющегося кадрового и научно-технического потенциала УГАТУ.

В 2019 г. УГАТУ отнесен Министерством науки и высшего образования Российской Федерации к 1-й категории вузов, демонстрирующих наилучшие показатели в области научной деятельности и признанных лидерами высшего образования страны.

Научные школы УГАТУ имеют заделы в области фундаментальных и прикладных исследований и разработок: наноматериалы, групповой анализ дифференциальных уравнений, электрические машины, телекоммуникационные системы.

Научно-производственные мощности университета составляют 8 НИИ, 40 учебно-научных и научно-исследовательских лабораторий, 2 центра коллективного пользования «Нанотех» и «Цифротех» с уникальными научными установками, суперкомпьютер (первый по вычислительной производительности в регионе), 11 студенческих конструкторских бюро, инженерный центр «Пилот», учебно-научный центр информационной безопасности.

УГАТУ взаимодействует с ведущими предприятиями и корпорациями страны: АО «ОДК», ПАО «Газпром», АО «Силовые машины», ПАО «Роснефть», холдинг АО «Технодинамика», ПАО «ОАК», ГК «Роскосмос», ГНЦ ФГУП «ЦИАМ им. П. И. Баранова», выполняя инновационные проекты в рам-

ках приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации.

Объем НИОКР в 2021 г. составил 493,74 тыс. р. на 1 НПР и растет с 2016 г. в среднем на 8 % в год, а за последний год вырос на 30 %.

Количество статей в изданиях, индексируемых в международной базе *Scopus*, составляет 0,46 на 1 НПР в 2020 г., из них статей в журналах *Q1*, *Q2* — 26 %.

В составе приборной базы университета насчитывается более 300 ед. высокотехнологичного оборудования общей стоимостью свыше 900 млн р.

В то же время в результате проведенного анализа организации научно-исследовательской деятельности университета был выявлен ряд проблем, препятствующих эффективному использованию его научного потенциала:

- обширная приборная база, разрозненная по отдельным научным группам и кафедрам, используемая только в отдельных направлениях научных исследований;

- разрозненность деятельности малых инновационных предприятий, недостаточный мониторинг эффективности их деятельности;

- отсутствие в структуре университета единого центра по коммерциализации результатов научной деятельности;

- отсутствие системы преемственности научно-исследовательской деятельности и студенческой науки, слабая вовлеченность студентов в коммерческие научные проекты.

В рамках трансформации организационной структуры университета, сопровождающейся в целом качественными изменениями в подходах к управлению и организации научно-исследовательской деятельности, в 2021 г. в университете создано новое функциональное подразделение — Единый инновационный комплекс.

Комплекс включает в себя более 100 ед. разнонаправленного оборудования общей стоимостью свыше 250 млн р. В числе оборудования Единого инновационного комплекса имеются уникальные научные установки, наиболее востребованные учеными в сферах материаловедения, нанотехнологий, медицины и др.

Целью создания комплекса является централизация научно-инновационного потенциала университета и коммерциализация его результатов.

Единый инновационный комплекс призван решить следующие задачи:

- систематизировать проведение научно-исследовательских и образовательных работ в университете;
- обеспечить эффективное и безопасное использование имеющейся приборной базы;
- координировать взаимодействие структурных подразделений университета в части развития инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок;
- предоставлять услуги сторонним организациям в целях привлечения дополнительных источников финансирования для модернизации и обновления приборной базы.

В состав Единого инновационного комплекса УГАТУ вошли четыре базовые структурные единицы с коллективом более 70 чел. — это центры коллективного пользования «Нанотех» и «Цифротех», отдел интеллектуальной собственности и отдел полиграфии (рис. 1).

Рис. 1. Структура Единого инновационного комплекса

Отдел интеллектуальной собственности обеспечивает создание, защиту и использование объектов интеллектуальной соб-

ственности, юридическую поддержку инновационных проектов, способствуя их систематизации и последующей эффективной коммерциализации.

Отдел полиграфии, осуществляя редакционно-издательскую деятельность, отвечает за освещение результатов деятельности Единого инновационного комплекса и университета в целом, реализацию собственной полиграфической продукции.

На базе центров коллективного пользования «Нанотех» и «Цифротех», объединяющих централизацию научно-инновационного потенциала и систематизацию внутренних научно-образовательных процессов, сегодня функционируют пять научно-исследовательских лабораторий с их технологическими участками: аккредитованная лаборатория ЦКП «Нанотех», научно-исследовательские лаборатории «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», «Сенсорные системы на основе устройств интегральной фотоники», «Лаборатория прикладной фотоники», междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория нефтепромысловой химии.

Концентрация приборной базы университета и отдельных научно-исследовательских групп направлена на объединение всех стадий реализации инновационного продукта. Основными результатами успешной реализации научного потенциала согласно стратегии коммерциализации Российской академии наук являются получение дополнительного дохода, развитие научного превосходства, повышение конкурентоспособности страны [2, с. 80].

Реализация инновационного продукта включают в себя следующие стадии:

- 1) выработка базовых понятий, фундаментального знания;
- 2) превращение знания в инновационную разработку или технологию;
- 3) издательская практика и освещение инновационных результатов научно-исследовательской деятельности;
- 4) расширение и развитие целевых коммуникаций и координация действий участвующих субъектов;
- 5) экспертная деятельность по заказу различных государственных и частных организаций по тематическим направлениям;

6) коммерческая реализация разработки, технологии, запуск стартапов;

7) сопровождение реализованных разработок и технологий.

Все стадии должны быть взаимосвязаны, без значительного перевеса в одну из сторон.

Непрерывный анализ и постоянная оценка перечисленных видов деятельности однозначно способствуют успешной реализации коммерческого потенциала проекта и эффективности инновационного продукта на практике [3].

Таким образом, Единый инновационный комплекс призван квалифицировано сопровождать реализацию инновационного продукта на каждом этапе.

Кроме того, Единый инновационный комплекс позволяет централизовать решение вопросов обеспечения сохранности, содержания и ремонта дорогостоящего научного оборудования.

Такой же комплексный подход применен в отношении финансирования Единого инновационного комплекса (рис. 2).

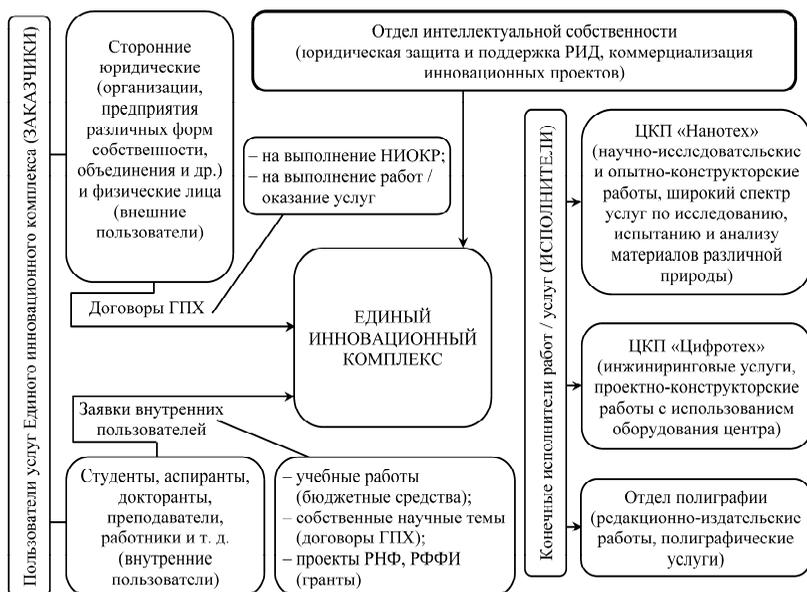

Рис. 2. Источники финансирования Единого инновационного комплекса

Основными источниками финансирования деятельности и развития научно-исследовательской базы Единого инновационного комплекса определены:

– получение части прибыли университета при выполнении работ и оказании услуг юридическим и физическим лицам в рамках заключаемых хозяйственных договоров;

– выполнение научно-исследовательских работ по договорам с внутренними пользователями в рамках полученных грантов;

– привлечение бюджетных средств университета, выделяемых на обеспечение научно-образовательных процессов при проведении учебных, учебно-научных, практических, лабораторных работ.

Для внутренних пользователей (студенты, аспиранты, докторанты, преподаватели, научные работники и иные работники университета) Единого инновационного комплекса расчет итоговой стоимости работ (P) складывается из стоимости производственных работ, включающей стоимость расходных материалов, и зарплаты, а также накладных расходов и рассчитывается по формуле

$$P = C + Ov, \quad (1)$$

где C — производственная стоимость работ, р.; Ov — накладные расходы (коммунальные расходы на электроэнергию и водоснабжение, услуги по содержанию помещений; затраты на поверку оборудования и инструмента, аккредитацию лабораторий, обучение и повышение квалификации работников комплекса, на обслуживание оборудования (текущий, периодический и капитальный ремонты) и амортизационные отчисления), р.

$$C = C_M + C_E + C_I, \quad (2)$$

где C_M — стоимость затраченного сырья и расходных материалов, р.; C_E — заработная плата работника, выполняющего работу, р.; C_I — страховые взносы с заработной платы, р.

$$C_E = E_L \times E_R, \quad (3)$$

где E_L — трудоемкость работ, ч; E_R — тарифная ставка работника, р./ч.

$$C_I = C_E \times 30,2 \%. \quad (4)$$

Для внешних пользователей (сторонние физические и юридические лица — по хозяйственным договорам) стоимость услуги Единого инновационного комплекса (P_E) дополнительно включает прибыль университета и НДС и рассчитывается следующим образом:

$$P_E = \{(C + O_v) + I^{10\%}\} + V^{20\%}, \quad (5)$$

где I — составляющая прибыли университета, р.; V — налог на добавленную стоимость от общих издержек, р.

$$I = (C + O_v) \times 10 \%; \quad (6)$$

$$V = (C + O_v + I) \times 20 \%. \quad (7)$$

Финансирование Единого инновационного комплекса направлено на содержание, обеспечение надлежащего состояния, обслуживание и развитие приборной базы университета, что продиктовано целями его создания.

Таким образом, оборудование, ранее не обслуживаемое, а зачастую и не находившееся под учетным наблюдением, сейчас подвержено масштабной централизации внутри Единого инновационного комплекса. Подобная централизация призвана устранить процессы бесконтрольной амортизации оборудования и наладить правильное взаимодействие между всеми заинтересованными лицами — университетом как владельцем дорогостоящего имущества, учеными и обучающимися как активными пользователями, сторонними организациями как стратегическими партнерами.

Кроме того, инновационная и научно-образовательная деятельность Единого инновационного комплекса и его подразделений обеспечивается участием (самостоятельным или в составе университета) во всевозможных локальных, региональных, федеральных и международных конкурсах, проектах и программах.

Одним из перспективных направлений развития Единого инновационного комплекса является координация научно-инновационного потенциала университета как для решения конкрет-

ных вопросов отраслевых предприятий, так и для поиска ответов на глобальные вызовы общества, экономики и природы. Это предполагает:

1) полномасштабную централизацию приборной базы университета;

2) систематизацию процессов доступа и учета работы на оборудовании, его надлежащего содержания, проведения периодических проверок и регламентного обслуживания со снижением показателей темпов амортизации и расходов на капитальные ремонты;

3) активное использование оборудования в научных, научно-исследовательских и образовательных процессах при поддержке региональных, государственных и международных научных фондов. Обеспечение ежегодного показателя загруженности оборудования комплекса на уровне не ниже 80 %;

4) эффективную коммерциализацию результатов интеллектуальной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности с выстраиванием долгосрочных отношений с лидерами отраслевых рынков. Ежегодное увеличение количества выполняемых работ и прибыли по договорам с постоянными заказчиками не менее чем на 50 %;

5) выход с пятикратного бюджетного дефицита сегодня на полное самофинансирование в будущем.

В то же время уже сейчас создание Единого инновационного комплекса и прозрачных процедур использования научного оборудования позволяет университету при оптимальной организации научно-исследовательской деятельности выполнять крупные, комплексные, межфакультетские НИОКР по заказу высокотехнологичных компаний России и Европы, кооперируясь при этом с топовыми университетами Российской Федерации через создание совместных научно-исследовательских институтов.

Заключение. Предварительные результаты двух последних лет деятельности университета уже демонстрируют эффективность процессов трансформации:

– при уменьшении числа работников научно-педагогического состава на 20 % вырос общий объем НИОКР на 28 %;

– выросло число публикаций в высокорейтинговых журналах $Q1$ и $Q2$ на 10 %;

- удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации вырос на 27 %;
- количество полученных грантов в расчете на 100 НПР увеличилось на 72 %;
- приборная база обновлена на 42 млн р.

Имеют тенденцию роста и другие показатели научно-исследовательской деятельности.

Для формирования новой перспективной модели университета будущего характерна политика централизации, реализации и коммерциализации инновационных разработок и технологий, продуктов и образовательных услуг. Создание Единого инновационного комплекса в Уфимском государственном авиационном техническом университете обеспечило централизацию дорогостоящего высокотехнологического оборудования и дальнейшее повышение эффективности его использования, сформировало единый подход к учету, техническому обслуживанию и ремонту. Созданное таким образом «единое окно» входа для внутренних и внешних пользователей упорядочило взаимодействие научно-исследовательских групп внутри университета и взаимовыгодное сотрудничество с партнерами университета на основе прозрачной системы ценообразования предоставляемых услуг. Повышена инвестиционная привлекательность научно-исследовательских ресурсов университета.

Промежуточные итоги научно-исследовательской деятельности, полученные за небольшой период с начала трансформации университета, свидетельствуют о выборе оптимального вектора преобразований.

Библиографический список

1. *Ефимов В. С., Лантева А. В.* Университет 4.0: философско-методологический анализ // Стратегии университетов. 2017. Т. 21, № 1. С. 16–29.

2. *Коммерциализация результатов* научно-технической деятельности: европейский опыт, возможные уроки для России / В. В. Иванов, С. Клесова, О. П. Лукши, П. В. Сушков. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. 264 с.

3. *Крутик А. Б., Ильина Л. В.* Коммерциализация как путь реализации инновационных разработок // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7, № 1. С. 51–55.

4. Новиков С. В., Абдулнагимов А. И., Агеев Г. К. Нейросетевые технологии при полунатурном моделировании в цифровом образовательном процессе Университета 4.0 // Вестник УГАТУ. 2021. Т. 25, № 3 (93). С. 42–49.

Я. П. Силин, О. В. Харитоненко

Особенности муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым

В представленной статье авторами посредством применения методов сравнительного и структурного анализа, а также анализа динамических рядов выявлены особенности муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым. Авторы доказывают, что такими особенностями для городских округов изученного региона выступают: специфическая структура муниципальной экономики; устойчивые позиции в муниципальной экономике санаторно-курортной деятельности; яркое проявление сезонной составляющей при определении деловой активности.

Ключевые слова: городской округ санаторно-курортного типа; муниципальная экономика; город-курорт; отраслевая структура; сезонность деловой активности.

Обобщение научных исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблематике развития различных муниципальных образований санаторно-курортного типа, в том числе городов-курортов, позволило нам выделить следующие особенности их экономики и экономической динамики:

– *особая структура муниципальной экономики* данного типа поселений, в которой доминируют виды деятельности, связанные с оказанием услуг (курортных, туристических, бытовых и т. п.) и с относительно слабым развитием материального производства, прежде всего промышленного [9; 11];

– *относительная устойчивость структуры муниципальной экономики* городов-курортов, сохранение своей специализации и пространственно-временных характеристик в течение длительного периода времени [1; 6];

– *муниципальная экономика поселений санаторно-курортного типа как специализированный комплекс*, ведущая функция которого стимулирует появление дополняющих ее отраслей и видов деятельности, полностью на нее ориентированных [5];

– ярко выраженный *сезонный характер* функционирования и развития муниципальной экономики курортных городов и городов отдыха в связи с сезонными колебаниями индивидуального спроса на услуги санаторно-курортного отдыха и лечебно-оздоровительного туризма [3];

– высокая степень *зависимости* муниципальной экономики городов-курортов от экономических и социальных характеристик *приезжего населения* (его спроса, уровня дохода, социального состава и т. д.) [2; 6; 10] и др.

В рамках данного исследования была поставлена задача оценить проявление вышеперечисленных особенностей в границах городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым.

Под *городским округом санаторно-курортного типа* нами понимается особая разновидность муниципальных образований, на территории которых сконцентрированы природные лечебные факторы и ресурсы (минеральные источники, лечебные грязи, морские ресурсы, благоприятный климат и др.), санаторные учреждения, объекты социальной инфраструктуры, сложилась характерная структура муниципальной экономики с доминированием санаторно-курортной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей приезжего населения в лечении, укреплении, сохранении здоровья, а также отдыхе.

В ходе проведенного исследования были подробно изучены показатели экономического развития 11 городских муниципальных образований Республики Крым [8], из которых 5 территорий (по параметрам сложившейся структуры экономики, концентрации санаторно-курортных и оздоровительных организаций, количеству приезжего населения и др.) представляют собой городские округа санаторно-курортного типа — Ялта, Евпатория, Алушта, Саки, Судак. Представим полученные выводы.

1. В городских округах санаторно-курортного типа Республики Крым в результате активного развития санаторно-курортной деятельности сложилась *особая отраслевая структура муниципальной экономики* с доминированием такого вида экономической активности, как «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», в составе которой учитываются результаты деятельности санаторно-курортных организаций (табл. 1).

Таблица 1

**Отраслевая структура экономики городских округов Республики Крым в 2020 г.
(по численности занятых), % к итогу**

Показатель	Административный центр	Городские округа санаторно-курортного типа					Портово-промышленный центр с развитой курортной функцией	Портово-промышленный центр	Промышленный центр		Транспортный узел
	Симферополь	Ялта	Евпатория	Алушта	Саки	Судак	Феодосия	Керчь	Армянск	Красноперекопск	Джанкой
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,70	0,23	0,42	1,50	4,03	17,70	1,25	0	0	5,63	0
Транспортировка и хранение	8,01	3,84	4,95	3,31	1,15	2,39	8,79	15,22	0	1,86	19,34
Добыча полезных ископаемых	0,78	0	1,03	0	0	0	0,69	0	0	0,80	0,68
Обрабатывающие производства	4,62	3,70	3,68	9,36	6,06	6,78	11,51	20,05	63,19	44,22	16,85
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4,98	2,97	5,82	4,39	7,11	3,31	6,45	4,39	0,14	5,91	7,94

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,44	3,73	3,02	7,51	7,78	6,53	3,43	2,79	1,60	4,10	4,54
Строительство	5,22	2,66	0,55	0,22	2,13	0,40	1,42	1,01	0	0,21	0,40
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	10,47	2,94	6,23	2,25	2,40	5,26	14,95	4,59	0,95	1,63	4,24
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,45	12,33	1,50	6,18	0,06	6,42	1,14	0,77	0	0	0
Деятельность в области информации и связи	2,50	0,42	0,62	0,47	0,78	0	0,45	0,34	0,88	0,57	0,42
Деятельность финансовая и страховая	3,41	0,71	1,07	0,25	0,35	0,42	1,23	0,97	0,26	1,18	1,50
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,94	3,17	1,97	2,35	1,98	0,13	2,56	3,47	2,75	0,96	1,60
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2,57	3,45	1,01	0,78	2,03	1,21	2,35	1,05	0,07	0,97	0,39

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	4,96	0,84	1,09	3,29	1,30	1,74	2,21	0,62	3,15	4,00	0,97
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	16,94	7,22	14,00	6,86	9,91	10,07	7,57	10,76	5,09	10,44	10,11
Образование	15,44	17,95	17,18	13,91	9,81	15,01	15,23	17,66	14,54	7,48	11,29
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	13,76	28,77	33,34	32,73	41,56	19,24	15,49	14,26	6,55	9,48	19,18
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,48	4,56	2,35	4,52	1,56	3,39	2,73	1,93	0,83	0,55	0,46
Предоставление прочих видов услуг	0,33	0,52	0,16	0,10	0	0	0,54	0,11	0	0	0,08
<i>Итого</i>	<i>100,00</i>										

Примечание. Информация по городским округам рассчитана по данным Федеральной службы государственной статистики: Муниципальная статистика: База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО): Паспорта муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 18.01.2022).

Следует отметить, что такой вид экономической деятельности, как здравоохранение, имеет повсеместное распространение и представлен в каждом муниципальном образовании. Но лишь в городах-курортах данная активность выступает в качестве градообразующей, а показатель развития имеет самые высокие значения и колеблется от 19,24 % (городской округ Судак) до 41,56 % (городской округ Саки) по данным за 2020 г. Основная причина этого — концентрация санаторно-курортных (оздоровительных) учреждений, требующих кадрового состава, обладающего особыми компетенциями.

Самые высокие значения показателя достигнуты в городском округе Саки — 41,56 % (в 2000 г. данный показатель составил 12,99 %), на территории которого локализованы уникальные лечебные заведения, специализирующиеся на исцелении больных с серьезными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата и травм спинного мозга, сосудистых, гинекологических и кожных болезней на основе использования местных целебных грязевых ресурсов. Санаторно-курортное лечение представляет собой признанную на международном уровне специализацию городского округа Саки, что, в свою очередь, предопределяет бюджетоформирующую роль в экономике города предприятий санаторно-курортного комплекса [10, с. 159].

На второй позиции по численности занятых в здравоохранении расположен городской округ Евпатория, в структуре экономики которого данная отрасль занимала 33,34 % в 2020 г. (в 2000 г. — 29,7 %), что обусловлено сложившейся на протяжении многих десятилетий специализацией территории на развитии санаторно-курортной деятельности и туризма, концентрацией санаторно-курортных и лечебно-оздоровительных организаций, в том числе ориентированных на обслуживание детского населения и организацию семейного отдыха [4; 7].

2. Развитие санаторно-курортной деятельности создает *мультипликативный эффект и стимулирует развитие смежных и дополняющих ее секторов*, преимущественно сферы оказания услуг (деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, розничная и оптовая торговля, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений).

В частности, в городских округах Ялта (12,33 %), Судак (6,42 %), Алушта (6,18 %), Евпатория (1,5 %) по данным за 2020 г. получены самые высокие относительные значения численности занятых в сфере «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», превосходящие значения всех остальных городских муниципальных образований (см. табл. 1). В городах санаторно-курортного типа отмечены самые высокие значения среди городских муниципальных образований по удельному весу занятых в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (Ялта — 4,56 %, Алушта — 4,52 %, Судак — 3,39 %). Данные факты свидетельствуют об ориентации городов-курортов на спрос приезжего населения, которому необходимо предоставить места проживания, обеспечить питанием, организовать досуг.

3. Здравоохранение и входящая в его состав санаторно-курортная деятельность сохраняет *устойчивые позиции* в отраслевой структуре муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа.

Данный вывод подтверждает сравнительный анализ отраслевой структуры городов-курортов Республики Крым за двадцатилетний период с 2000 по 2020 г. (табл. 2). Так, в четырех из пяти городских округов санаторно-курортного типа удельный вес занятых в сфере оказания медицинских, лечебно-оздоровительных услуг заметно вырос (Евпатория — на 3,64 %, Алушта — на 11,72 %, Саки — на 28,57 %, Судак — на 11,04 %).

Можно констатировать поворот в развитии муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа в направлении усиления использования своих конкурентных преимуществ на основе вовлечения в хозяйственный оборот уникальной *местной ресурсной базы*, а также в русле становления *экономики здоровья*, значимость которой многократно возросла в условиях COVID-19 [12].

4. Деловая и предпринимательская активность на территории городских округов Республики Крым имеет ярко выраженный *сезонный характер*, связанный со значительными колебаниями спроса приезжего населения на услуги санаторно-курортного отдыха и лечебно-оздоровительного туризма.

**Изменение позиции здравоохранения
в отраслевой структуре экономики городских округов
Республики Крым за 2000–2020 гг. (по численности занятых), %**

Городской округ	Удельный вес здравоохранения в отраслевой структуре экономики		Изменение показателя 2020 г. по сравнению с 2000 г.
	2000	2020	
Ялта	32,97	28,77	–4,20
Евпатория	29,70	33,34	+3,64
Алушта	21,01	32,73	+11,72
Саки	12,99	41,56	+28,57
Судак	8,20	19,24	+11,04

Примечание. Информация по городским округам рассчитана авторами: за 2020 г. — по данным Федеральной службы государственной статистики: Муниципальная статистика: База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО): Паспорта муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 31.01.2022);

за 2000 г. — по Регіональні показники розвитку Автономної республіки Крим. Сімферополь: Держкомстат України, Головне управління статистики в Автономній Республіці Крим, 2001. С. 11–13.

По официальной информации Министерства курортов и туризма Республики Крым нами проведен расчет количества туристов, посетивших данный регион в разные периоды времени (рис. 1).

Следует отметить существенные сезонные колебания притока туристов на территорию Республики Крым, наибольшая активность которого на протяжении изученного периода отмечена в июле-августе, наименьшая — в феврале. Разрыв между максимальным (июль-август) и минимальным (февраль) значениями показателя достиг 79,5 раза в 2018 г. Данный факт оказывает существенное влияние на состояние муниципальной экономики городских округов, и прежде всего санаторно-курортного типа.

На уровне муниципального образования сезонные колебания представляется возможным отследить по статистическим показателям ежемесячной динамики перевезенных пассажиров и размеру пассажирооборота. На рис. 2 и 3 приведена информация, собранная в границах территории городского округа

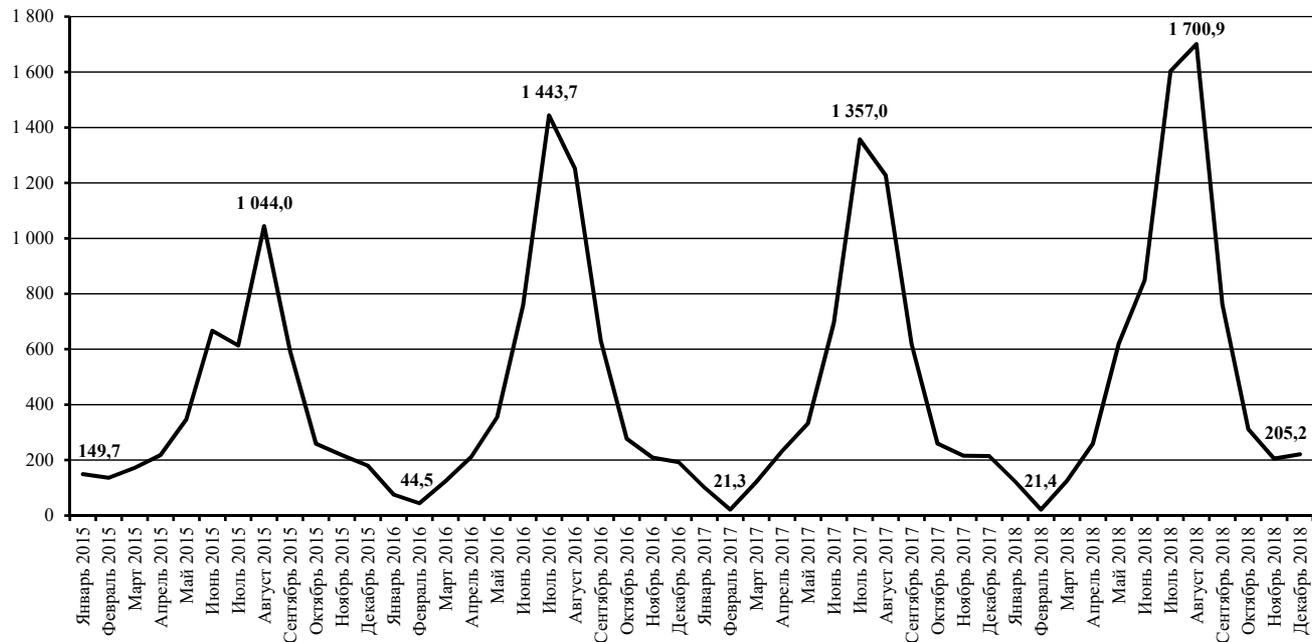

Рис. 1. Сезонные колебания количества туристов, посетивших Республику Крым за 2015–2018 гг., тыс. чел.¹

¹ Сост. по: статистическая информация Министерства курортов и туризма Республики Крым. URL: <https://mtur.rk.gov.ru/structure/14> (дата обращения: 31.01.2022).

Евпатория, сравнительный анализ которой в значительной степени повторяет общерегиональные тенденции притока туристов.

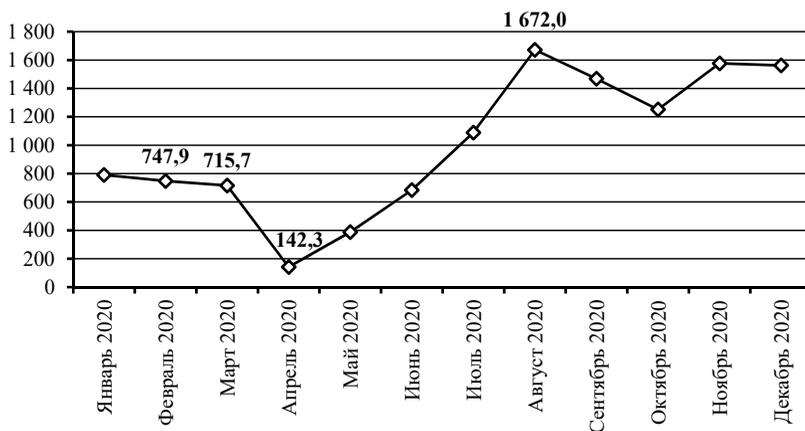

Рис. 2. Сезонные колебания численности перевезенных пассажиров по городскому округу Евпатория за 2020 г., тыс. чел.¹

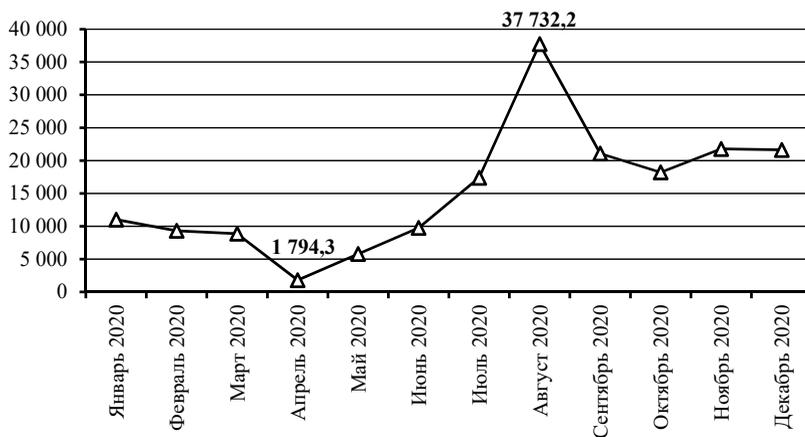

Рис. 3. Сезонные колебания пассажирооборота по городскому округу Евпатория за 2020 г., тыс. пасс.-км

¹ Рис. 2 и 3 сост. по: *Социально-экономическое положение городского округа Евпатория в январе (январе-феврале; январе-марте ... январе-декабре) 2020 г.*: Крымстат. Симферополь, 2021.

Разрыв между максимальным (август) и минимальным (апрель) значением по числу перевезенных пассажиров составил 11,7 раза в 2020 г. Еще более заметна разница в пассажирообороте — 21 раз.

Следует отметить, что сезонные флуктуации формируют очень высокую степень зависимости деловой активности на территории курортных городов Республики Крым от приезжего населения (его численности, поло-возрастной структуры, социального статуса, потребительских предпочтений, спроса, уровня доходов).

Выявленные авторами особенности муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым во многом подтверждают выводы отечественных и зарубежных ученых, полученные в ходе изучения поселений с преобладанием курортно-оздоровительной функции. Данные особенности необходимо учитывать при разработке документов оперативного и стратегического планирования, выработке и принятии управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях, поскольку они имеют объективный и устойчивый характер, в значительной степени предопределяя направления экономической и социальной динамики.

Библиографический список

1. *Асланов Д. И.* Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. 178 с.
2. *Беликов М. Ю.* Города-курорты Краснодарского края: проблемы отраслевой и структурной перестройки в условиях перехода к рынку. Краснодар: КубГУ, 1994. 160 с.
3. *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
4. *Ивлева Я. А.* История курорта в Евпатории от истоков до современности. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2016. 312 с.
5. *Ланно Г. М.* География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
6. *Попов А. Д.* Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь: Антиква, 2019. 272 с.
7. *Путеводитель* по г. Евпатории. Малый Иерусалим. Сборник исторических очерков / ред. В. Н. Струнина. Евпатория: Евпаторий-

ский культурно-этнографический центр «Малый Иерусалим», 2018. 382 с.

8. *Симченко Н. А., Цёхла С. Ю.* Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи. Симферополь: АРИАЛ, 2016. 232 с.

9. *Смейле Ю. В.* Функциональная типология крупных городов СССР (исторический аспект) // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2007. № 1. С. 185–191.

10. *Туристско-рекреационные паспорта городских округов и районов Республики Крым и города Севастополя* / под ред. И. М. Яковенко. Симферополь: АРИАЛ, 2017. 286 с.

11. *Филобок А. А.* Города Азово-Черноморского побережья Краснодарского края: экономико-географические аспекты развития: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Краснодар, 2004. 227 с.

12. *Kharitonenko O.* Research of Sanatorium and Resort Activity in the Context of Scientific Provisions of Health Economics and the Concept of Human Capital // Proceedings of the Second Conference on Sustainable Development: Industrial Future of Territories (IFT 2021): Advances in Economics, Business and Management Research, 2021. DOI: 10.2991/aebmr.k.211118.054.

А. В. Мисюра, С. В. Орехова

Предпринимательские экосистемы: новый взгляд на развитие территорий и отраслей

В современных реалиях развитие высокотехнологичных промышленных предприятий требует новых подходов для расширения эффектов от их деятельности. Одним из инструментов является создание экосистем. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения экосистемного подхода. На примере приборостроительной промышленности и сельского хозяйства выдвигается тезис о появлении экосистемы «промышленность – сельское хозяйство» в российской экономике.

Ключевые слова: высокотехнологичное промышленное предприятие; предпринимательская экосистема; экономическая политика; цифровизация.

Синергия науки, образования и промышленных предприятий, составляющих основу реального сектора экономики, может проявляться в различных видах.

Перспективным направлением здесь является встраивание возможностей науки в создание предпринимательских экосистем.

Почему именно за экосистемным подходом в развитии предприятий будущее?

Сегодня наблюдается исчерпание потенциала традиционного подхода к управлению промышленным предприятием, связанного с оптимизацией его внутренних бизнес-процессов.

Кроме того, сама по себе высокотехнологичная компания не создает спрос на свою продукцию. Это стимулирует ее ко вхождению в более сложные структуры — сети. Такие сети концентрируют все необходимые компетенции по созданию и продвижению продукции, и самое главное, позволяют формировать устойчивый спрос на конечный продукт.

Данные процессы уже можно наблюдать при рассмотрении цифровой трансформации экономики страны. В ее рамках видны изменения подходов к управлению высокотехнологичным предприятием, заключающиеся в:

- масштабировании без массы, когда происходит динамичное развитие предприятий без увеличения числа занятых;
- расширении горизонтов через формирование собственных сетей;
- появлении платформ [7].

Именно здесь себя может проявить современный тренд развития — появление предпринимательских экосистем.

С точки зрения научных исследований экосистема — это совокупность взаимосвязанных участников, организаций, институтов и процессов предпринимательской деятельности, которые объединяются формально и неформально, чтобы обеспечить связанное и опосредованное управление в локальной предпринимательской среде [8, p. 27].

Различные формы сетевых объединений давно используются в практике предприятий. Например, кластеры и промышленные парки, которые консолидируют производителей, поставщиков, потребителей для упрощения взаимодействия и получения преимуществ всеми сторонами [3; 4; 5].

Экосистема выступает в качестве более широкого понятия, что можно увидеть при анализе ее свойств [1; 2].

1. Территориальная зависимость является возможным, но не обязательным для нее свойством.

2. В большинстве случаев экосистема строится на основе единой цифровой платформы или другого единого технологического стандарта.

3. Участники экосистемы не связаны жесткими рамками на основе договоров, а скорее объединяются вокруг цели.

4. Каждый участник экосистемы, с одной стороны, подстраивается под ее правила, с другой — использует выработанную в ней модель производства продукта и единую среду обмена информацией.

Сегодня подход к изучению экосистем имеет ряд недостатков и в целом носит регламентирующий и ретроспективный характер [6].

Во-первых, исследователи пока слабо представляют причины возникновения и процессы внутри экосистем.

Во-вторых, существующие работы не акцентируют внимание на отсутствии каких-либо компонентов экосистемы или проблемах взаимодействия между ними.

Таким образом, теоретическое и практическое понимание экосистемы, сложность ее структуры пока не позволяют ответить на два самых главных вопроса:

1. Как оценить связанность действий и результатов деятельности предпринимателей между собой в экосистеме?

2. Как максимизировать результат за счет применения такого типа бизнес-модели? Другими словами, монетизировать подобную сетевую форму организации бизнеса.

Тем не менее экосистемы уже создаются и успешно функционируют. Что говорит о необходимости рассмотрения экономики не с позиции отдельных отраслей, а с точки зрения формирования в них экосистем, объединяющих отдельные подотрасли народного хозяйства.

В этом направлении мы предлагаем применять экосистемный подход органами власти как инструмент цифровизации различных секторов экономики и реализации экономической политики в целом.

Одной из таких структур в России может стать предпринимательская экосистема, объединяющая промышленные и сель-

скохозяйственные предприятия. Предпосылки к ее созданию мы видим в том, что сегодня конкурентное преимущество сельского хозяйства страны может быть достигнуто за счет снижения себестоимости выращивания и сбора урожая, повышения урожайности через автоматизацию данных процессов.

Сама необходимость автоматизации будет способствовать появлению новых отечественных производств, которые смогут удовлетворить возрастающий спрос через создание инновационных решений.

Таким образом, формируется взаимосвязь, другими словами, точки соприкосновения двух отраслей — промышленности и сельского хозяйства.

Предпринимательская экосистема «промышленность — сельское хозяйство» должна выступить интегратором, который, с одной стороны определит потребность аграриев, с другой — предложит оптимальное решение их задач через конкретные цифровые продукты организаций, входящих в ее сеть. Подобный подход также потребует создания единого «инновационного ядра» цифровых решений для АПК, которое сможет оказывать консультации в режиме 24/7, обеспечит обучение и полный спектр дополнительных услуг.

В качестве «инновационного ядра» могут выступить предприятия оборонно-промышленного комплекса, имеющие высокий научный потенциал и опыт трансфера технологических решений в гражданские разработки.

В частности, Госкорпорация «Роскосмос», которая уже обладает технологиями, позволяющими внедрить цифровые решения в повседневную жизнь аграриев. Это:

- геопространственные сервисы на основе данных дистанционного зондирования Земли (орбитальная группировка из 8 спутников);

- глобальная навигационная спутниковая система ГЛОНАСС (орбитальная группировка из 24 спутников).

Практическим примером элемента экосистемы может служить АО «НПО автоматики», входящее в Роскосмос. Предприятие уже разработало системы точного земледелия для автоматизированного управления сельхозтехникой и предлагает их на рынке.

Беспилотные системы являются не только «цифровым продуктом», а позиционируются как источник решения конкретных задач аграриев — повышения уровня сбора урожая.

Для создания экосистемы «промышленность — сельское хозяйство» необходимо изменение подхода в экономической политике государства при формировании стратегических документов.

Сегодня КРІ создания «цифровой экономики» в России — это рост производства цифровых продуктов — оборудования и инфраструктуры, вместо удовлетворения нужд конечного потребителя.

Например, в ведомственном проекте «Цифровое сельское хозяйство» отсутствуют показатели повышения рентабельности хозяйств, повышения урожайности за счет внедрения цифровых технологий, т. е. достижения тех задач, которые стоят перед аграриями.

Государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий» не содержит показателей по цифровизации сельхозпроизводителей, кроме увеличения доступности сети «Интернет», как и государственная программа развития сельского хозяйства.

Первым шагом, по нашему мнению, является переориентация показателей эффективности профильных стратегий и программных документов по цифровизации АПК на создание платформенных решений задач аграриев и единого их интегратора.

Библиографический список

1. Орехова С. В., Евсеева М. В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, № 4. С. 34–53.
2. Ривз М., Хаанес К., Синха Д. Стратегии тоже нужна стратегия. М.: Эксмо, 2016. 272 с.
3. Baptista R., Swann P. Do firms in clusters innovate more? // Research Policy. 1998. Vol. 27, no. 5. P. 525–540.
4. Bell G. G. Clusters, networks, and firm innovativeness // Strategic Management Journal. 2005. Vol. 26, no. 3. P. 287–295.
5. Delgado M., Porter M. E., Stern S. Defining clusters of related industries // Journal of Economic Geography. 2016. Vol. 16, no. 1. P. 1–38.

6. Mack E., Mayer H. The Evolutionary Dynamics of Entrepreneurial Ecosystems // *Urban Studies*. 2016. Vol. 53, no. 10. P. 2120–2121.

7. *Vectors of digital transformation* // OECD Digital Economy Papers. 2019. No. 273. P. 2–38.

8. West J., Wood D. Evolving an open ecosystem: The rise and fall of the Symbian platform // *Advances in Strategic Management*. 2013. Vol. 30. P. 27.

Е. Ю. Виноградова

Экспертные системы поддержки принятия решений на основе нейросетевых механизмов

В статье описываются принципы создания интеллектуальной информационной системы для реализации поддержки принятия управленческих решений. Также в рамках статьи проведена систематизация современных научных представлений об интеллектуальных информационных технологиях в контексте выделения предметного поля их применения.

Ключевые слова: интеллектуальные информационные технологии; информационная система; нейронная сеть; управление предприятием.

Широкий круг задач, решаемых при помощи нейронных сетей (НС), не позволяет в настоящее время создавать универсальные, мощные сети, вынуждая разрабатывать специализированные НС, функционирующие по различным алгоритмам. Исторически сложились три основных направления в моделировании систем искусственного интеллекта.

В рамках первого подхода объектом исследований являются структура и механизмы работы мозга человека, а конечная цель заключается в раскрытии тайн мышления. Второй подход в качестве объекта исследования рассматривает искусственный интеллект. Здесь речь идет о моделировании интеллектуальной деятельности с помощью вычислительных машин. Наконец, третий подход ориентирован на создание смешанных человеко-машинных, или, как еще говорят, интерактивных интеллектуальных систем, на симбиоз возможностей естественного и искусственного интеллекта. Важнейшими проблемами в этих исследованиях являются оптимальное распределение функций между естественным и искусственным интеллектом и организация диалога между человеком и машиной.

Нейронные сети являются нелинейными динамическими системами с коллективными свойствами. Для исследования таких сложных моделей нужна большая вычислительная мощность. Новый интерес к искусственным нейронным сетям обусловлен не только новым математическим подходом, но и существенным прогрессом вычислительной техники.

Для решения конкретных задач необходимо подготовить данные для нейронной сети. На практике именно предобработка данных может стать наиболее трудоемким элементом нейросетевого анализа. Причем использование и проектирование основных принципов и приемов предобработки данных не менее, а может быть даже более важно, чем разработка собственно нейросетевых алгоритмов. Сам процесс решения прикладных задач, в том числе и подготовка данных, целиком ложится на плечи разработчика.

Технологическая цепочка представления знаний выглядит следующим образом:

- кодирование входов-выходов — нейросети могут работать только с числами;
- нормировка данных — результаты нейроанализа не должны зависеть от выбора единиц измерения;
- предобработка данных — удаление очевидных регулярностей из данных облегчает нейросети выявление нетривиальных закономерностей;
- обучение нескольких нейросетей с различной архитектурой — результат обучения зависит как от размеров сети, так и от ее начальной конфигурации;
- отбор оптимальных сетей — тех, которые дадут наименьшую ошибку предсказания на неизвестных пока данных;
- оценка значимости предсказаний — оценка ошибки предсказаний не менее важна, чем само предсказанное значение.

Системы искусственного интеллекта должны обеспечить решение следующих трех задач: накопление знаний, применение накопленных знаний для решения проблемы и извлечение знаний из опыта. Системы искусственного интеллекта реализуют три ключевые функции: представление, рассуждение и обучение [1; 2; 3; 4; 5; 8; 9].

Этапы процесса создания экспертной системы управления и планирования

№ этапа	Наименование этапа	Реализуемые (достигаемые) функции в аспектах			
		маркетинг	дизайн	производство	другие
00	Планирование	Выяснение рыночной конъюнктуры и возможностей. Определение сегментов рынка	Выбор платформы и архитектуры будущего продукта. Оценка новых технологий	Выявление производственных ограничений. Разработка стратегии	Исследовательская: демонстрация доступных технологий. Финансовая: установка планируемых целей
01	Разработка концепции	Выявление потребностей пользователей. Определение ключевых пользователей. Выявление конкурирующих продуктов	Исследование осуществимости предлагаемых концепций. Создание концепции дизайна. Создание и тестирование моделей и прототипов	Оценка стоимости производства продукта. Оценка осуществимости производства продукта	Финансовая: содействие проведению экономического анализа. Юридическая: патентные исследования
02	Системное проектирование	Разработка плана выпуска дополнительных аксессуаров и расширения семейства продукции. Установка целевых ориентиров для цены продаж	Рассмотрение альтернативных архитектур продукта. Определение основных подсистем и интерфейсов	Определение схемы производства. Расчет планируемых издержек	Финансовая: участие в проведении анализа целесообразности самостоятельного производства. Сервис: выявление возможных проблем в обслуживании
03	Рабочий проект	Разработка маркетингового плана	Определение геометрии продукта. Установка допусков. Создание проектной документации	Определение процессов изготовления. Определение процессов контроля качества	-

Окончание таблицы

№ этапа	Наименование этапа	Реализуемые (достигаемые) функции в аспектах			
		маркетинг	дизайн	производство	другие
04	Испытания и доводка	Разработка рекламных материалов. Участие в эксплуатационных испытаниях (потребительское тестирование)	Испытания эксплуатационных качеств. Внесение изменений в дизайн по их итогам. Получение необходимых сертификатов	Содействие переводу производства в рабочий режим. Отработка процессов изготовления. Обучение производственного персонала. Совершенствование процессов контроля качества	Сбыт: разработка плана продаж
05	Перевод производства в рабочий режим	Распространение опытных образцов	Оценка опытных образцов	Начало операций по запуску производства	–

Во многих практических задачах доступный набор знаний является неполным или неточным. В таких ситуациях используются вероятностные рассуждения, позволяющие системам искусственного интеллекта работать в условиях неопределенности [5; 6; 7]. Возникающие при обучении сложности и накопленный при этом опыт привели к созданию различных методов и алгоритмов пополнения баз знаний. В частности, если в данной предметной области работают опытные профессионалы, проще получить их обобщенный опыт, чем пытаться дублировать экспериментальный путь, который они прошли в процессе его накопления. Эта идея и положена в основу экспертных систем.

Обобщенное описание этапов процесса создания экспертной системы управления и планирования приведено в таблице.

При разработке экспертной системы поддержки принятия управленческих решений на предприятии должны быть выделены следующие процессы, позволяющие оценить совокупные временные и интеллектуальные затраты на разработку системы:

- формирование экономико-математической модели;
- формирование задач;

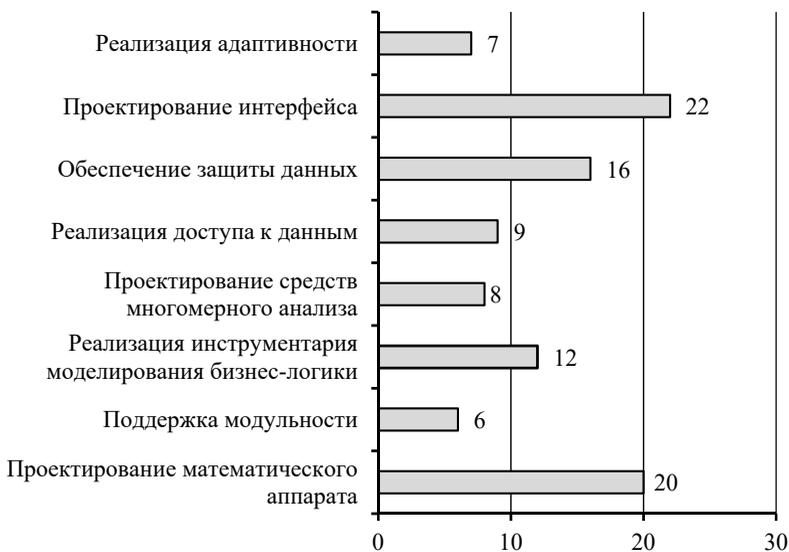

Рис. 1. Распределение трудоемкости по критериям, которым должна удовлетворять проектируемая система, %

Рис. 2. Распределение временных затрат по критериям, которым должна удовлетворять проектируемая система, %

- поддержка модульности;
- реализация инструментария моделирования бизнес-логики;
- проектирование средств многомерного анализа;
- реализация доступа к данным;
- обеспечение защиты данных;
- проектирование интерфейса;
- реализация адаптивности.

Трудоемкость и временные затраты на проектирование распределились, как показано на рис. 1 и 2.

В заключение следует отметить, что внедрение, применение и развитие нейросетевых технологий для управления работой конкретного промышленного предприятия в общем и целом приведет к повышению производительности всего предприятия и сокращению сроков самоокупаемости средств, потраченных на развитие информационных технологий поддержки принятия управленческих и плановых решений.

Библиографический список

1. *Бэстенс Д. Э., Ван Ден Берг В. М., Вуд Д.* Нейронные сети и финансовые рынки. Принятие решений в торговых операциях. М.: ТВП, 1997. 236 с.

2. *Виноградова Е. Ю.* Структурно-функциональная модель интеллектуальной информационной системы управления предприятием газотранспортной отрасли // Прикладная информатика. 2012. № 1 (37). С. 122–132.

3. *Виноградова Е. Ю.* Технология использования нейромоделей для решения задач управления производством // Высокие технологии, фундаментальные и прикладные исследования, промышленность: сб. тр. Шестой Междунар. науч.-практ. конф. «Исследование, разработка и применение высоких технологий в промышленности» (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2008 г.). СПб.: СПбПУ, 2008. С. 55–56.

4. *Виноградова Е. Ю., Шориков А. Ф.* Применение нейросетей для задач поддержки принятия управленческих решений // Высокие технологии, фундаментальные и прикладные исследования, промышленность: сб. тр. Шестой Междунар. науч.-практ. конф. «Исследование, разработка и применение высоких технологий в промышленности» (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2008 г.). СПб.: СПбПУ, 2008. С. 13–14.

5. *Ежов А. А., Шумовский С. А.* Нейрокомпьютинг и его применения в экономике и бизнесе. М.: Финансы и статистика, 2004. 224 с.

6. *Методы нейроинформатики*: сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Горбаня. Красноярск: КГТУ, 1998. 205 с.

7. *Нейроинформатика* / А. Н. Горбань, В. Л. Дунин-Барковский, А. Н. Кирдин и др.; отв. ред. Е. А. Новиков. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 296 с.

8. *Хайкин С.* Нейронные сети. Полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1103 с.

9. *Царегородцев В. Г.* Взгляд на архитектуру и требования к нейроимитатору для решения современных промышленных задач // *Нейроинформатика — 2004*: тр. VI Всерос. науч.-техн. конф. М.: МИФИ, 2004. Ч. 2. С. 160–167.

А. Е. Плахин, И. О. Блинков

Механизмы координации ресурсного обмена

В статье приводится характеристика координационных механизмов ресурсного обмена. Определены особенности использования рыночного обмена, иерархического и сетевого механизмов с позиции теории стратегического менеджмента. Сформулирован вывод о императивности фактора снижения стоимости привлечения ресурсов при определении типа механизма координации корпоративной сети.

Ключевые слова: корпоративная сеть; межфирменное взаимодействие; координация.

Механизмы координации ресурсного обмена становятся одним из направлений исследований в рамках последних теорий стратегического управления. В частности, в рамках ресурсного подхода подчеркивается значимость концентрации фирмы на ключевых ресурсах и компетенциях в целях достижения конкурентных преимуществ [2; 5]. По мере развития постиндустриальной экономики акцент в ресурсной концепции стал смещаться в сторону знаний как ресурса, а сама фирма стала рассматриваться как совокупность технологических и организационных знаний. Парадигма обучения, основанная на идентификации и передаче знания, легла в основу анализа межфирменной кооперации, при этом все большее внимание стало уделяться использованию неcodируемых знаний. Здесь стоит отметить, что координация ресурсного обмена подразумевает организацию со-

трудничества, стимулирующего взаимный обмен ресурсами, результативность которого намного выше, чем у кооперации, ориентированной на выполнение контрольных функций [4].

Отношенческий подход характеризует механизмы ресурсного обмена с позиции отношенческой ренты, т. е. прибыли, которую можно получить только путем совместных усилий партнеров, специализированных относительно их взаимосвязей [6]. Здесь функция управления сводится к усилению комплементарности участников.

Представители концепции маркетинга взаимоотношений концентрируют свое внимание на характеристиках, которыми обладают успешные взаимоотношения между партнерами. Так, в своей модели развития отношений Д. Уилсон оперирует такими характеристиками, как готовность к ответственному сотрудничеству, доверие, кооперация, общность целей, взаимозависимость, удовлетворенность результатами, адаптация, специфические инвестиции, совместные технологии и пр. [10]. В рамках данного подхода координация ресурсного обмена сводится к оценке удовлетворенности полученными результатами.

Новая институциональная экономическая теории в исследовании проблемы эффективных форм организации хозяйственной деятельности оперирует такими понятиями, как ограниченная рациональность, неопределенность, специфичность ресурсов, оппортунизм, проблема измерения результата, транзакционные издержки, отношенческая контрактация и пр. Авторы данного подхода концентрируют управление на определении специфических черт гибридных организаций, позволяющих им достичь определенных конкурентных преимуществ перед другими формами организации в условиях специфичности используемых ресурсов, и разработке институтов поддержки партнерских отношений [1; 7; 8].

Описанные выше теории концентрируются на определенных характеристиках ресурсного обмена, дополняют друг друга, подчеркивая базовую детерминанту стратегического управления — *координацию деятельности экономических агентов, обладающих ресурсами различной степени специфичности.*

В соответствии с подходом О. Уильямсона существующие формы организации взаимодействия, посредством рынка, иерар-

хии или гибридных форм, являются взаимодополняемыми, а их эффективность и, следовательно, их применимость определяются условиями хозяйственной практики [9]. В качестве такого ключевого условия О. Уильямсон выделяет специфичность используемых в транзакции ресурсов. Данные ресурсы могут быть общего назначения, они с легкостью могут быть перенесены от одного экономического агента к другому, без какой-либо потери стоимости. Ко второй группе относятся ресурсы, использование которых связано с потерей их стоимости ввиду наличия издержек переключения, и специфические ресурсы, которые приспособлены специально под конкретные отношения и перенос которых связан со значительными безвозвратными издержками.

Основываясь на данном подходе, можно обозначить три типа координации отношений, связанных с использованием ресурсов:

- координация отношений, касающихся использования неспецифических ресурсов. Отсутствие свойства редкости ресурсов позволяет использовать механизм рыночного обмена, чтобы привлекать данные ресурсы по наиболее привлекательной цене;

- координация отношений, связанная с использованием специфических ресурсов, основанная на принципах иерархии;

- использование механизма гибридной координации, предполагающей формирование устойчивых сетевых взаимоотношений, основанное на оценке возможных издержек переключения.

В табл. 1 представлено описание координационных механизмов межфирменного взаимодействия в соответствии с выделенными характеристиками ресурсов.

Все формы организации взаимодействия можно расположить в едином пространстве, ранжируя их по степени доминирования интеграционных механизмов управления. На одном конце данного организационного континуума будут находиться рыночные формы организации межфирменного взаимодействия, на другом — квазиинтеграционные системы [3].

Используя описанную выше логику, разделим представленные группы стратегий межфирменного взаимодействия на три типа: рыночное взаимодействие, гибридные стратегии взаимодействия, иерархические отношения. В табл. 2 представлены

профили стратегий межфирменного взаимодействия ОАО «Урал-бурмаш» с основными поставщиками.

Т а б л и ц а 1

Характеристика координационных механизмов ресурсного обмена

Организационный элемент взаимодействия	Уровни организации межфирменного взаимодействия		
	Рыночный обмен	Гибридные стратегии	Иерархические отношения
Управленческий	Нет планирования совместного развития. Целеполагание ограничивается объемами и сроками поставок	Стратегии совместного развития содержат приоритетные направления. Дается оценка материальным и некоторым нематериальным аспектам взаимодействия. Рассматривается возможность извлечения дополнительной ценности из партнерских отношений	Развитие института планирования совместной деятельности — единого координационного центра. Совместное целеполагание. Совместный регламент измерения результативности, анализ результатов и распределение выгоды через достижение цели
Коммуникационный	Коммуникации на уровне деловых контактов по мере необходимости. Не предполагает развитие социальной межфирменной сети	Коммуникации рассматриваются руководством как важное звено для организации отношений. Предполагает взаимодействие на разных уровнях, осуществляется контроль передаваемой информации с позиции сохранения стратегической безопасности	Коммуникации определены, встроены и обеспечивают саморазвитие. Обеспечивается прозрачность процессов. Управление коммуникациями выстроено на всех уровнях, носит системный характер
Институциональный	Отношения между предприятиями сводятся только к исполнению условий договора, редкие неформальные контакты. Не требует развития доверительных отношений, гарантии обеспечиваются правоприменительным институтом	Предполагается развитие определенного уровня доверия между партнерами как инструмента для обеспечения гарантий достижения определенной степени гибкости отношений при изменении внешних условий	Осознается невозможность достижения цели без приложения совместных усилий. Требуется совмещение культур, обеспечение высокого уровня доверительных отношений

Таблица 2

Оценка уровней межфирменного взаимодействия ОАО «Уралбурмаш» с основными поставщиками

Элемент взаимодействия	Рыночный обмен					Смешанные стратегии взаимодействия							Тесные партнерские отношения						
	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95
Управленческий																			
	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95
Коммуникационный																			
	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95
Институциональный																			
	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95

Примечание:

- Профиль «Электросталь»
- — — Профиль «СИЗ»
- - - - - Профиль «Кузрол»
- Профиль «Завод смазок и СОЖ»
- Профиль «КЗТС»

Анализируя полученные профили механизмов координации ресурсного обмена ОАО «Уралбурмаш», можно сделать вывод, что данные стратегии в целом соответствуют ресурсным характеристикам отношений. Для отношений общего характера используются стратегии, основанные на традиционном рыночном обмене; для специфицированных отношений используются гибридные стратегии, предполагающие более тесное взаимодействие партнеров; для отношений, имеющих специфический характер, выбираются стратегии построения иерархических структур.

Вместе с тем требуются определенные корректировки отдельных стратегий выстраивания взаимодействия.

Общим недостатком всех стратегий организации взаимодействия является недостаточное развитие такого элемента, как эффективность распределения между участниками выгод от совместной деятельности. Это требует от участников четкого понимания, согласования и оценки общего результата совместной деятельности и вклада каждой из сторон, разграничения зон ответственности и справедливого распределения выгод от полученного совместно результата.

При реализации гибридных стратегий взаимодействия необходимо более четко понимать и декларировать согласованные цели по отдельным приоритетным направлениям совместного развития, что является отправной точкой реализации стратегии частичного взаимодействия.

Библиографический список

1. Орехова С. В., Мисюра А. В., Кислицын Е. В. Управление возрастающей отдачей высокотехнологичной бизнес-модели в промышленности: классические и экосистемные эффекты // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 45–60.

2. Плахин А. Е., Ткаченко И. Н., Евсеева М. В. Архитектура инновационной экосистемы промышленности региона // Вестник НГИЭИ. 2020. № 8 (111). С. 51–59.

3. Родольфо Б., Шерешева М. Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2014. № 2. С. 3–21.

4. *Третьяк О. А., Румянцева М. Н.* Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // Российский журнал менеджмента. 2003. Т. 1, № 2. С. 25–50.

5. *Barney J. B.* Is the resource-based «view» a useful perspective for strategic management research? Yes // *Academy of management review*. 2001. Vol. 26, no. 1. P. 41–56.

6. *Dyer J. H., Singh H.* The relational view: Cooperative strategy and sources of interorganizational competitive advantage // *Academy of management review*. 1998. Vol. 23, no. 4. P. 660–679.

7. *Menard C.* The Economics of Hybrid Organizations // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2004. Vol. 160, no. 3. P. 345–376.

8. *Williamson O. E.* Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*. 1991. Vol. 36, no. 2. P. 269–296.

9. *Williamson O. E.* The mechanisms of governance. Oxford University Press, 1996.

10. *Wilson D. T.* An integrated model of buyer-seller relationship // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1995. Vol. 23, no. 4. P. 335–345.

Е. Г. Калабина

Экономические проблемы цифровизация HRM-системы

В статье раскрыта актуальность проблемы внедрения систем управления персоналом (HRM-систем). С учетом предложенных критериев дана оценка возможностей автоматизации процессов управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности деятельности компаний. Обоснован авторский подход к выбору оптимального технико-экономического решения для автоматизации системы мотивации персонала, удовлетворяющего потребности каждой конкретной компании.

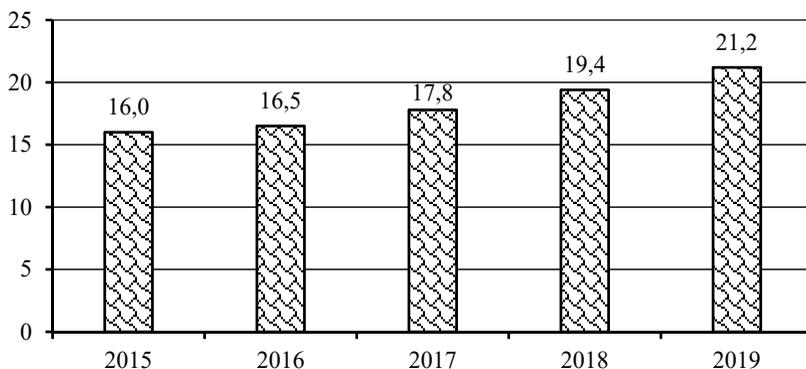
Ключевые слова: автоматизация; ключевые показатели эффективности; управление мотивацией; программный продукт.

Современная конкурентная среда требует перманентного повышения производительности труда, роста эффективности и качества товаров и услуг. И если ранее предприятия в первую очередь обращались к автоматизации для оптимизации осуществления производственных и технологических процессов, сокращения длительности производственных циклов и т. п., то

сегодня на повестке дня вопросы автоматизации процессов в области управления¹, в частности персоналом.

За последние годы наблюдается стабильный рост рынка систем управления персоналом (HRM-систем), обусловленный потребностью компаний в получении данных для принятия эффективных управленческих решений, отвечающих специфике бизнеса и организации работы сотрудников. В условиях возросших требований к специалистам информационные системы (в том числе HRM-системы) за счет удобных и простых в использовании сервисов снимают дополнительную нагрузку с HR-специалистов и позволяют максимально эффективно использовать человеческие ресурсы [2].

По оценке делового портала T Adviser, объем российского рынка HRM-систем демонстрирует положительную динамику (см. рисунок).

Динамика российского рынка HRM-систем (2015–2019 гг.), млрд р.²

Известно, что рынок HRM-систем делится на два сегмента:
– первый сегмент охватывает информационные системы, ориентированные на выполнение учетно-расчетных функций по управлению персоналом (расчет заработной платы, отпусков

¹ Автоматизация HR-подразделений: технологии и тренды. URL: <http://www.pro-personal.ru/journal/SK/project/projekt10-14/> (дата обращения: 01.02.2022).

² Сост. по: данные портала T Adviser. URL: <https://www.tadviser.ru>.

и командировок, премий и компенсаций) и ведение кадрового делопроизводства;

– второй сегмент сфокусирован на создании и распространении информационных систем оценки эффективности работы персонала и включает такие процессы, как: управление подбором персонала, управление адаптацией и обучением, определение трудового потенциала сотрудников, планирование кадровой преемственности и развития кадрового потенциала, организационное проектирование и планирование численности. Именно в данной части рынка за последние годы наблюдается рост, в первую очередь за счет появления первых внедрений и замены ранее используемых разрозненных управленческих решений комплексными, позволяющими оптимизировать процессы и получать ранее недоступные данные.

Таким образом, масштабирование HRM-систем имеет восходящую тенденцию, вероятно, потому, что работодатели начали осознавать преимущества, которые можно получить с помощью внедрения специальных программных продуктов, автоматизирующих кадровые процессы в компаниях.

Среди современных систем управления мотивацией персонала особое место занимает система оценки ключевых показателей эффективности (KPI) деятельности сотрудников, структурных подразделений и компании в целом, которая наряду с другими HRM-системами подвержена влиянию процессов автоматизации [1]. Очевидным становится тот факт, что грамотно выстроенная автоматизированная система управления мотивацией персонала, построенная на KPI, может стать источником долгосрочной конкурентоспособности развития предприятия.

Разнообразие программных продуктов, позволяющих осуществить автоматизацию процесса управления мотивацией персонала на основе KPI, ставит проблему выбора лучшего варианта, поскольку большинство из них не пользуются большим спросом по причине относительной дороговизны и избыточности функциональных возможностей.

Автором предпринята попытка систематизировать и дать оценку возможностей наиболее доступных и распространенных программных продуктов автоматизации систем управления мотивацией персонала на основе KPI, которые нашли применение

во многих российских компаниях самых различных отраслей — от машиностроения и производства промышленного оборудования до информационных технологий: «1С:Управление по целям и KPI»¹, «KPI-Drive», «HighPer», «KPI Monitor», «Elma KPI»².

Целью данной работы являлся обзор и оценка возможностей автоматизации процессов управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности деятельности компаний.

Предпосылки внедрения автоматизации системы управления мотивацией персонала на основе KPI. По опыту внедрения в компаниях систем управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности для оценки деятельности персонала и установления зависимости материального вознаграждения от достигнутых результатов деятельности без автоматизации соответствующего процесса, можно заметить, что сотрудники HR-службы сталкиваются со сложностью сбора, анализа, контроля и прогноза выполнения показателей, тратят много времени и сил на анализ различных по специфике деятельности данных, выявление взаимосвязей между ними и прогнозирование. Большое количество разнородных показателей и методик расчетов затрудняет работу сотрудников HR-службы и обостряет проблему организации систематического эффективного мониторинга выполнения ключевых показателей эффективности по мере роста компании. В результате предприятия, в целях сокращения трудовых затрат, вынуждены ограничивать применение системы управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности, как правило, оставляя ее лишь для руководителей высшего и среднего звена. Что касается частоты и размера выплат материального вознаграждения, то временной период сужен установлением премии за год, вместо более эффективных, с точки зрения мотивации, ежемесячных и ежеквартальных премий. Как следствие, количество показателей, отражающих достижение целей и эффектив-

¹ 1С:Управление по целям и KPI. Возможности продукта. URL: <https://solutions.1c.ru/catalog/kpi/features> (дата обращения: 01.02.2022).

² См. подробнее: *Ребров А. В.* Как выбрать софт для автоматизации KPI // Проект «Дельфы». 2014. URL: <https://www.delfy.biz/blog/121> (дата обращения: 01.02.2022).

ную работу бизнес-процессов, и сотрудников, замотивированных в достижении высоких результатов деятельности, сокращается. В сложившихся условиях большинство компаний в результате получают повышение издержек, снижение качества произведенной продукции (работ, услуг), срывы установленных сроков, а также ошибочно принятые управленческие решения.

На этапе внедрения автоматизация системы управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности управления становится реальным инструментом повышения эффективности бизнеса, взаимодействия между функциональными руководителями, рядовыми сотрудниками и HR-службой, помогающим сопоставлять цели бизнеса и конкретных сотрудников, дающим возможность оценивать результативность каждого работника.

Изучение практического опыта построения и использования систем управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности в российских организациях позволяет сделать вывод о необходимости их автоматизации по ряду обстоятельств:

- включение в систему всех и большинства сотрудников компании с численностью свыше 15–20 чел.;
- целесообразность ежемесячной или ежеквартальной периодичности премирования;
- сочетание объективных ключевых показателей эффективности с субъективными оценками и степенью выполнения задач;
- количество ключевых показателей эффективности для исполнителей в основном процессе от 3 до 5;
- включение в оценку ключевых показателей эффективности всех сотрудников компании (в том числе руководителей и исполнителей вспомогательных подразделений).

При количестве участников системы оплаты по КРІ до 10–15 чел. или только ключевых руководителей компании; периодичности премирования один раз в год; использовании только объективно измеримых (обычно запаздывающих) ключевых показателей эффективности; при минимальном количестве показателей для исполнителей в основном процессе (1–2 показателя), не обеспечивающих взвешенной оценки; включении в оцен-

ку должности только топ-менеджеров, возможно, руководителей и исполнителей в основном процессе (продажи, производство, сервис) необходимость автоматизации KPI отсутствует¹.

Оценка возможностей программных продуктов по автоматизации системы управления мотивацией персонала на основе KPI в российских организациях. Автором применен сравнительный подход, опирающийся на реализацию принципа рациональной полезности: лучший вариант конкретного программного обеспечения должен иметь стоимость сопоставимую со стоимостью программы-аналога при условии соблюдения надежности и достаточности функций. Данные характеристики являются значимыми при принятии решений, а потому должны анализироваться на этапе выбора приоритетного программного обеспечения.

Обзор автоматизированных систем управления мотивацией персонала на основе KPI позволил выявить наиболее популярные (см. таблицу).

Сравнительный анализ функциональных возможностей программных продуктов по автоматизации систем управления мотивацией персонала на основе KPI

Характеристика	1С:Управление по целям и KPI	KPI-Drive	HighPer	KPI Monitor	Elma KPI
Технологическая платформа	1С:Предприятие 8.3	Apache + MySQL	Microsoft .NET Framework + Microsoft SQL Server	Microsoft .NET Framework + Microsoft SQL Server	Microsoft .NET Framework + Microsoft SQL Server
Настройка измеряемых показателей	+	+	+	+	+
Ввод данных вручную	+	+	+	+	+
Интеграция с программами	+	+	+	+	+
Создание матрицы эффективности	+	+	+	+	+

¹ Ребров А. В. Надо ли автоматизировать систему KPI // Проект «Дельфы». 2014. URL: <https://www.delfy.biz/blog/123> (дата обращения: 01.02.2022).

Окончание таблицы

Характеристика	IS:Управление по целям и KPI	KPI-Drive	HighPer	KPI Monitor	Elma KPI
Аналитические отчеты	+	+	+	+	+
Мониторинг бизнес-процессов	+	+	+	+	+
Расчет KPI	+	+	+	+	+
Автоматический расчет вознаграждения	+	+	+	+	+
Контроль выполнения задач	+	+	+	+	+
Субъективная оценка (BARS-шкала)	-	+	+	-	-
Наличие критического значения показателя	-	+	+	+	-

Программный продукт KPI-Drive¹ разработан по авторской методике А. Литягина и не требует установки какого-либо дополнительного программного обеспечения; операции выполняются в онлайн-режиме через интернет-браузер с помощью модулей «Показатели», «Задачи», «Оценки», «Оплата». Программа позволяет производить установление оценок подчиненным сотрудникам и смежным подразделениям согласно чек-листу или BARS-шкале, при необходимости прикрепление файлов, фото, ссылок, комментариев и т. п. Возможна настройка любых моделей начисления заработной платы, формирование отчетности по KPI и рейтингов сотрудников за любой выбранный период.

Программный продукт High Performance — HighPer², представленный консалтинговой компанией «Проект «Дельфы», производит сбор данных из разных учетных средств компании с последующим разнесением информации в разрезе работников

¹ *KPI-Управление* и KPI-Мотивация. URL: <https://kpi-drive.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

² *Зачем* нужна автоматизация KPI. URL: <https://highper.ru/features/fl#formulas> (дата обращения: 01.02.2022).

и расчетом степени выполнения плана по каждому показателю. Возможно установление субъективных оценок по BARS-шкале, настройки напоминаний с заданной периодичностью о необходимости их установления. Помимо стандартных механизмов произведения расчетов выполнения КРІ в программе настроена формула расчета степени выполнения КРІ на основе критического значения, что позволяет учитывать допустимое отклонение показателя.

*Программный продукт KPI Monitor*¹, представленный компанией «ПроФитПроект», обеспечивает синхронизацию аналитических справочников с корпоративной информационной системой, формирование единой системы показателей с установлением взаимосвязи в виде древовидной структуры, различных графических диаграмм и виджетов. Программу отличает интерактивный анимированный интерфейс, возможность проведения многомерного аналитического анализа.

*Программный продукт Elma KPI*², разработанный компанией «EleWise», дает возможность формирования списка целей компании, выбора и настройки показателей эффективности, создания матрицы эффективности для каждого сотрудника, распределения зон ответственности и создания индивидуальных контрольных панелей с инструментами мониторинга и веб-статистики. Решение «Elma KPI» преимущественно направлено на автоматизацию бизнес-процессов, бюджетирования, документооборота и т. д.

По результатам проведенной оценки функциональных возможностей программных продуктов следует отметить, что все представленные варианты обеспечивают выполнение стандартного набора функций: сбор и обработка данных из других учетных систем, ввод данных вручную, расчет степени выполнения КРІ и определение размера вознаграждения за достигнутые результаты деятельности, формирование аналитических отчетов, мониторинг бизнес-процессов, при этом каждый из них

¹ KPI Monitor. Обзор возможностей. URL: <http://www.kpi-monitor.ru/about/overview> (дата обращения: 01.02.2022).

² *Управляйте движением к цели с помощью понятных ключевых показателей эффективности в системе ELMA KPI.* URL: <https://www.elma-bpm.ru/product/kpi> (дата обращения: 01.02.2022).

имеет ряд отличительных особенностей, которые могут являться принципиальными для пользователей.

Библиографический список

1. *Калабина Е. Г., Асатурян К. Г.* Проблемное поле конструирования эффективной модели управления по целям в организации на основе KPIs // *Кадровик*. 2020. № 5. С. 76–84.
2. *Ребров А. В.* Геймификация и автоматизация по KPI: очередная управленческая мода или новые методы стимулирования? // *Российский журнал менеджмента*. 2017. Т. 15, № 3. С. 303–326.

М. В. Чудиновских

Влияние пандемии на рынок труда: мировые тренды и ситуация в России

В статье дана оценка влияния пандемии COVID-19 на рынок труда. На основании российских и международных статистических данных выявлена тенденция углубления неравенства. Показано, что скорость восстановления рынка труда во многом будет зависеть от принимаемых государствами мер поддержки экономики, а также темпов и доступности вакцинации. Результаты исследования могут представлять интерес для российских работодателей и научного сообщества.

Ключевые слова: рынок труда; пандемия; вакцинация; занятость; безработица; неравенство.

Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., продолжает оказывать сильное влияние на мировую экономику. Цель исследования состоит в выделении ключевых трендов развития рынка труда в 2020–2021 гг. Для достижения поставленной цели использованы данные Международной организации труда и Росстата. Сравнительный анализ позволяет определить, какие мировые тенденции распространяются на российский рынок, а также выделить национальные особенности.

Последние глобальные оценки подтверждают неравномерное воздействие кризиса COVID-19 на занятость в 2020 г., а также хрупкую тенденцию восстановления в течение первой половины 2021 г. В 2020 г., по данным МОТ, глобальное соотношение занятости к численности населения снизилось с 57,6 % в 2019 г. до 54,9 % в 2020 г. Это снижение скрывает значитель-

ные различия между группами работников, странами, отраслями экономики.

Глобальная занятость в 2020 г. в большей степени сократилась среди женщин, молодежи, а также лиц средней и низкой квалификации. В мире непропорционально сильно пострадали женщины, на долю которых до кризиса COVID-19 приходилось 38,9 % от общего числа занятых (2019 г.). В разгар ограничений 2020 г. женщины были подвержены увольнениям, переводу на неполный рабочий день в среднем на 40 % чаще, чем мужчины. Также в условиях пандемии мировая статистика отражает сокращение доли занятости молодежи, на долю которой в 2019 г. приходилось всего 13 % общей занятости, а в 2020 г. — уже менее 10 %.

По данным Росстата, наиболее высокие показатели безработицы были зафиксированы весной — летом 2020 г., когда ее уровень составил 6,3 %. Постепенно происходит снижение показателя безработицы до 4,3 % в ноябре 2021 г. Этот показатель — самый низкий с 2018 г. На основании сравнения мировых и российских трендов можно сделать вывод, что для отечественного рынка труда проблема безработицы является значительно менее острой. Если в ноябре 2020 г. пособие по безработице получало около 1,5 млн россиян, то в ноябре 2021 г. — чуть более полумиллиона¹. Проблема региональной дифференциации уровня безработицы для России по-прежнему актуальна. Высокий уровень безработицы характерен, например, для республик Северного Кавказа.

Значительные различия наблюдаются между отраслями экономики. Глобальная занятость в сфере услуг размещения и питания в 2020 г. претерпела наибольшее отраслевое сокращение (–9,4 %), в то время как в финансовой и страховой деятельности был отмечен рост количества занятых (+1,5 %). Также растет спрос на специалистов IT-сектора, что приводит к увеличению заработных плат. Для российской экономики эта тенденция также актуальна.

¹ Социально-экономическое положение России. Январь — ноябрь 2021 г. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2021.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

Статистика Международной организации труда оперирует таким показателем, как «среднее количество рабочих часов, отработанных за неделю». В качестве базы для сравнения берутся показатели IV квартала 2019 г. Как видно на графике, локдауны первой половины 2020 г. привели к резкому сокращению отработанного времени (рис. 1).

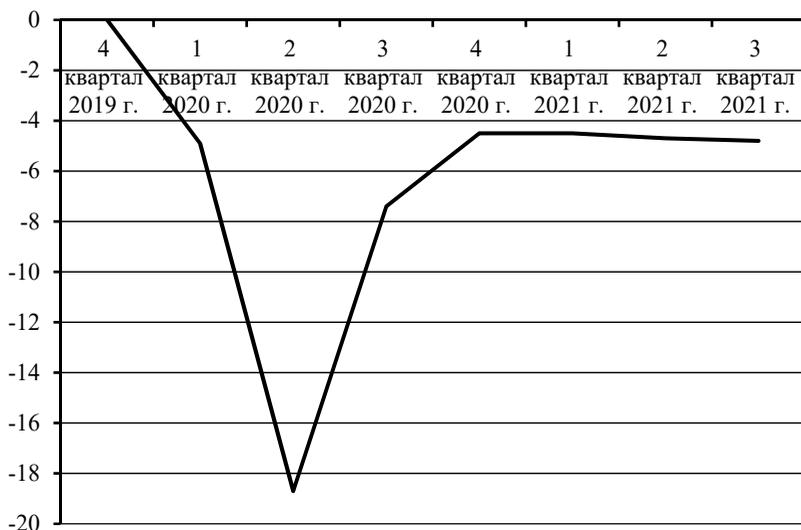

Рис. 1. Изменения в количестве часов рабочего времени в мире, % к IV кварталу 2019 г.¹

Потери рабочего времени далее пересчитываются в условно-высвобожденные рабочие места. Так, в пик ограничений мировая экономика потеряла около 500 млн рабочих мест. Далее многие государства стали постепенно смягчать коронавирусные ограничения, реализовывать программы поддержки рынка труда, однако по состоянию на 1 января 2022 г. полностью восстановить этот показатель не удалось. Условные потери составляют примерно 100 млн рабочих мест.

Средние показатели скрывают большие расхождения между странами. Продолжительность рабочего времени в странах

¹ Составлено по данным Международной организации труда.

с высоким уровнем дохода (США, Европа, Япония), как правило, восстанавливалась в 2021 г., в то время как страны с низким и средним уровнем дохода (Азия, Африка, СНГ) продолжали нести большие потери. В результате возрос «разрыв в производительности» между развивающимися и развитыми экономиками. В 2020 г. средний работник в стране с высоким уровнем дохода производил в 17,5 раза больше продукции в час, чем средний работник в стране с низким уровнем дохода. Этот разрыв увеличился до 18,0 в 2021 г., что является самой большой разницей с 2005 г.

Пандемия привела к заметному изменению структуры занятости и распределения рабочей силы между крупным, средним и малым бизнесом. В то время как в крупных компаниях производительность труда растет, малый и средний бизнес сталкивается и с инфраструктурными ограничениями, и с падением производительности труда. Многие предприятия малого и среднего бизнеса работают в секторах, наиболее пострадавших от ограничений, связанных с пандемией, включая рестораны, сферу услуг, туризм. Небольшие компании также находятся в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к капиталу, и они сталкиваются с более высокими средними коэффициентами задолженности, что серьезно ограничивает их способность поддерживать объем производства и ставит под угрозу их перспективы оставаться жизнеспособными. Малые фирмы в странах с низким и средним уровнем дохода особенно уязвимы, поскольку они получают меньшую выгоду от программ государственной помощи.

Пандемия оказывает существенное влияние на трансформацию форм занятости в пользу увеличения доли дистанционного труда и самозанятости, причем в Российской Федерации эти тенденции проявляются даже более отчетливо, так как с 2019 г. проводится эксперимент по налогу на профессиональный доход. Его плательщиков отождествляют с самозанятыми. По данным Федеральной налоговой службы, на 1 января 2022 г. количество самозанятых превысило 3 млн чел. Создаваемые благоприятные налоговые условия способствуют росту этой категории участников рынка труда. Однако уровень правовых и социальных гарантий для самозанятых существенно ниже, чем для

лиц, которые осуществляют свою деятельность по трудовому договору. В перспективе можно прогнозировать еще один источник социальной напряженности и неравенства.

В условиях пандемии рост неравенства связан также с возможностями реализации мер поддержки занятости за счет бюджетных средств. Оценка МОТ показывает, что в среднем увеличение фискальных стимулов на 1 % годового ВВП приводит к увеличению продолжительности рабочего дня в год на 0,3 процентных пункта к первому кварталу 2021 г. по сравнению с последним кварталом 2019 г. Сравнение российских и мировых показателей позволяет сделать вывод, что принятые в России меры поддержки рынка труда оказались эффективными [2], так как показатели безработицы вернулись к уровню 2019 г. (рис. 2).

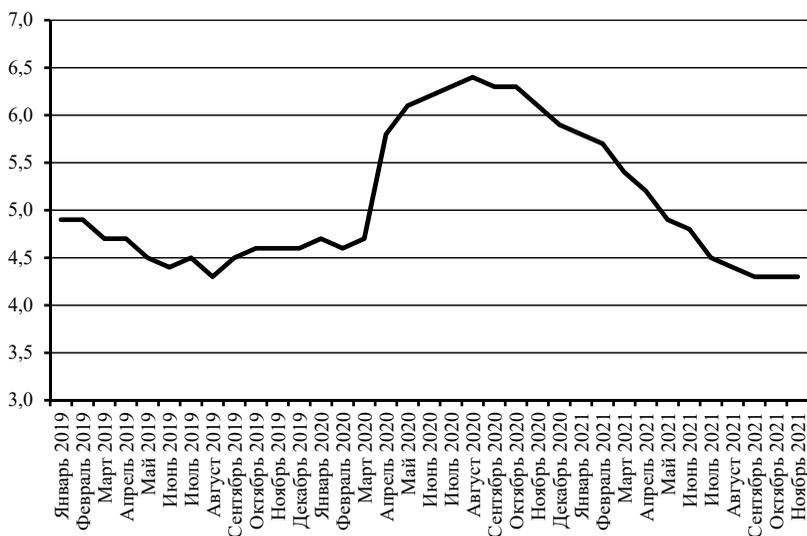

Рис. 2. Уровень безработицы в России, %¹

По мнению экспертов Международной организации труда, скорость восстановительных процессов во многом зависит от уровня вакцинации. По состоянию на 1 января 2022 г. в целом

¹ Составлено по данным Росстата.

по миру он приблизился к 60 %, однако показатели существенно различаются между странами с высоким уровнем дохода, где доля вакцинированных может превышать 70 %, и странами с низким уровнем дохода, где уровень вакцинации ниже 10 %. Более высокие показатели вакцинации связаны с менее строгими ограничениями на рабочем месте. Оценки МОТ показывают, что в сценарии «справедливой вакцинации» на четвертый квартал 2021 г., который предполагает справедливое распределение вакцин во всем мире, страны с низким и средним уровнем дохода могли бы сократить потери рабочего времени. Количество отработанных часов в странах с низким и средним уровнем дохода при равном доступе к вакцинам могло бы увеличиться на 2,0 и 1,2 процентных пункта соответственно¹.

Таким образом, рынок труда в условиях пандемии переживает структурную трансформацию. Эффективность восстановления будет во многом зависеть от мер государственной поддержки, а также темпов вакцинации. Важнейший выявленный тренд — это рост неравенства между странами, отдельными отраслями экономики, возрастными и гендерными группами. Пандемия придала дополнительный стимул процессам цифровой трансформации [1]. Конкурентоспособность и предприятий, и отдельных работников во многом будет зависеть от того, насколько эффективно внедряются и используются технологии дистанционной работы и цифровых сервисов.

Библиографический список

1. *Кашепов А. В., Афонина К. В., Головачев Н. В.* Рынок труда РФ в 2020–2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 33–44.
2. *Якимова А. В.* Влияние пандемии коронавируса на современный рынок труда: проблемы и пути их решения // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 4. С. 461–466.

¹ *Statistics and databases* // The ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang--en/index.htm> (дата обращения: 10.01.2022).

Н. В. Новикова, Л. С. Дианова

Пандемия COVID-19 — катализатор цифровой трансформации регионального потребительского рынка

Статья посвящена исследованию происходящих трансформационных изменений регионального потребительского рынка под влиянием активного внедрения во все сферы жизни общества цифровых технологий. Пандемия COVID-19 вносит существенные коррективы в развитие регионального потребительского рынка, ускоряя процесс цифровой трансформации. Вводится понятие «цифровая трансформация регионального потребительского рынка». Предлагаются возможности корректирующего управления.

Ключевые слова: пандемия; цифровая трансформация; региональный потребительский рынок; цифровые технологии.

В 2020 г. мировая экономика столкнулась с совершенно новыми вызовами, порожденными пандемией COVID-19. Одно из ярко выраженных следствий пандемии — рост значения информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни общества и бизнеса на национальном и региональном уровнях. Не является исключением и региональный потребительский рынок.

Чувствительность объекта нашего исследования к научно-техническим изменениям была отмечена учеными и ранее. В частности, отмечалось, что на развитие регионального потребительского рынка влияет обширная совокупность факторов, которые можно подразделить на экономические, социальные, природно-климатические, научно-технические [6, с. 333]. Среди научно-технических факторов профессор А. С. Новоселов выделил уровень развития материально-технической базы, внедрение новых технологий в рыночную инфраструктуру.

Новая технология — «это форма технологии, которая больше развита или автоматизирована относительно предшествующей ей в данном социальном контексте»¹. В XX в. оциф-

¹ *Большой* толковый социологический словарь. URL: [https://explanatory_sociological.academic.ru/1168/ %](https://explanatory_sociological.academic.ru/1168/%) (дата обращения: 01.02.2022).

ровка¹ (digitization) преобразовала процесс хранения, обработки и передачи данных, позволила рационализировать существующие бизнес-процессы, привнеся в них информацию в цифровом формате. Третья промышленная революция ознаменовалась переходом от механических и аналоговых продуктов, технологий к цифровым технологиям. К настоящему времени сложилось понимание, что «цифровые технологии — это технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и предоставления данных в электронном виде» [1, с. 13].

Оцифровка — это связь между физическим миром и программным обеспечением, ИКТ-оборудованием. ИКТ-сектор представляет собой базис цифровой экономики². ИКТ-индустрия не ограничивается цифровым сектором, а включает в себя «деятельность в сфере телекоммуникаций, разработку компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги, деятельность в области информационных технологий»³. Из этого следует, что «продукция на основе ИКТ и сопутствующие услуги являются компонентами цифровой экономики» [3, с. 153]. Вследствие этого, «по мере того как все больше поставщиков услуг, производителей готовой продукции и даже поставщиков сырья задействуют в своей деятельности ИКТ, цифровая экономи-

¹ Согласно Оксфордскому словарю английского языка термин «оцифровка» (digitization) в сочетании с компьютерами впервые был использован в середине 1950-х гг., он означает «процесс преобразования данных в цифровую форму, которая может быть легко прочитана и обработана компьютером».

² Цифровая экономика — это доля общего объема экономического производства, получаемая за счет ряда широких «цифровых» ресурсов. Цифровые входные данные включают цифровые навыки, цифровое оборудование (аппаратное, программное и коммуникационное) и промежуточные цифровые товары и услуги, используемые в производстве. Такие широкие меры отражают основы цифровой экономики (Knickrehm M., Berthon B., Daugherty P. Digital Disruption: The Growth Multiplier. Dublin: Accenture, 2016. URL: <https://data.gsmaintelligence.com/api-web/v2/research-file-download?id=18809348&file=the-mobile-economy-2016-1482139936333.pdf> (дата обращения: 29.01.2022)).

³ К Сектору информационно-коммуникационных технологий в соответствии с приказом Минкомсвязи России от 7 декабря 2015 г. № 515 «Об утверждении собирательных классификационных группировок „Сектор информационно-коммуникационных технологий“ и „Сектор контента и средств массовой информации“» относятся следующие виды экономической деятельности (ОКВЭД2 ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)): 26.1, 26.20, 26.30, 26.40, 26.80, 58.2, 61.10, 61.20, 61.30, 61.90, 62.01, 62.02, 62.03, 62.09, 63.11, 63.12.

ка в текущих определениях становится просто экономикой» [3, с. 153], грань между цифровой и традиционной экономикой становится неотчетливой.

Для получения полной картины развития цифровой экономики одним из важных является вопрос о границах, устанавливаемых для исследования протекающего процесса.

Для решения этого вопроса Р. Бухт и Р. Хикс предложили называть широкую сферу, охватывающую всю экономическую деятельность, заложившую фундамент на цифровых технологиях, не цифровой экономикой (digital economy), а цифровизированной экономикой (digitalised economy) [3].

Основанием для различий в определениях послужила статья С. Бреннена и Д. Крайсса, опубликованная в 2014 г. для Международной энциклопедии теории и философии коммуникации¹. Исследователи обосновали различие между понятиями «оцифровка» (digitisation — преобразование данных в цифровой формат) и «цифровизация» (digitalisation — использование цифровых технологий в организационных или социальных процессах, экономической деятельности). В своей работе ученые отделили процесс цифровизации от основных технических процессов оцифровки, посредством которых информация преобразуется из аналоговых потоков в цифровые [8].

В рамках предлагаемого подхода в сферу цифровизированной экономики Р. Бухт и Р. Хикс включили широкий спектр видов экономической деятельности. Сюда относятся: электронный бизнес (бизнес-транзакции с поддержкой ИКТ) и его подмножество, электронная коммерция «(внешние бизнес-транзакции с поддержкой ИКТ), алгоритмическое принятие решений в бизнесе, использование цифровых автоматизированных технологий в производстве и сельском хозяйстве, включая индустрию 4.0 и точное сельское хозяйство и т. д.» [3, с. 153].

¹ *The International Encyclopedia of Communication* — Международная коммуникационная энциклопедия ICA (IEC). Основана в 2008 г. Первое издание состояло из 12 томов и более 1300 статей. За 20 лет более 4200 авторов внесли свой вклад в развитие научной мысли информационной сферы. Сегодня IEC насчитывает 56 томов и более 5000 научных статей. URL: <https://www.icahdq.org/page/Encyclopedia> (дата обращения: 29.01.2022).

В целях определения границ цифровой экономики Р. Бухт и Р. Хикс вводят понятия [3]:

– «интенсивная (intensive) экономическая деятельность» — деятельность, уже существовавшая до ИКТ. Интенсивное применение ИКТ представляет собой интенсификацию, модернизацию действующих видов экономической деятельности;

– «экстенсивная (extensive, т. е. обширная) экономическая деятельность» — деятельность, существующая только благодаря ИКТ. Экстенсивная область применения ИКТ расширяет границы экономической деятельности.

Предлагаемый подход, основанный на «концепции интенсивного и экстенсивного применения ИКТ» [3, с. 153], позволил определить границы цифровой экономики. Цифровая экономика охватывает как основной цифровой сектор — ядро (ИКТ-сектор), так и экстенсивную область применения цифровых технологий, не утверждая, что вся оцифрованная (digitised) деятельность является частью цифровой (digital) экономики. «Цифровая экономика будет представлять все экстенсивные области применения цифровых технологий плюс производство этих цифровых технологий» [3, с. 153].

Учитывая вышесказанное, авторы в данной работе делают вывод о том, что цифровая экономика — это результат цифровой трансформации цифровизированной экономики под влиянием современных информационных и компьютерных технологий.

«Мобильные приложения, искусственный интеллект (AI), облачные вычисления, аналитика, чат-боты и другие цифровые сервисы только расширяют существующий бизнес, не меняя его сути. Это скорее оптимизация цифрового бизнеса, чем цифровая трансформация бизнеса» [9, р. 31]. Цифровая трансформация бизнеса происходит при условии появления новых источников доходов хозяйствующих субъектов, продуктов, услуг, а также создания новых бизнес-моделей¹. «Цифровая трансформация заключается в том, чтобы действовать по-другому — создавать

¹ IDC International Data Corporation является ведущей мировой исследовательской организацией рынка информационных технологий. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS46967420> (дата обращения: 29.01.2022).

совершенно новую бизнес-модель с использованием современных информационных и компьютерных технологий» [9, р. 28].

В период глобальных вызовов, обусловленных проявлением факторов негативного характера («черных лебедей»), важно контролировать степень устойчивости территориальных экономических систем для обеспечения безопасного, позитивно направленного развития региона в условиях цифровой трансформации экономики. Цифровая трансформация на региональном уровне изменяет стратегию управления, операционную структуру.

В свете глобальных преобразований Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ отмечает необходимость анализа цифровой трансформации региона, развития региональных проектов¹. Определены национальные цели цифровой трансформации на региональном уровне: «Цифровая трансформация региона — глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий. Цифровая трансформация охватывает не только производственную деятельность, но и изменение организационных структур компаний и бизнес-моделей, а также процессы жизнедеятельности населения»².

Представители уральской школы региональной экономики отмечают, что «концептуальный подход к региону с позиции „регион-рынок“, т. е. экономического агента (actor) и субъекта рыночных отношений, позволяет зафиксировать общие черты и процессы, присущие регионам разных стран, а также увидеть изменения, происходящие в современных условиях и влияющие на региональную экономику и позиции регионов» [2, с. 28].

¹ В рамках реализации указов Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

² *Об утверждении* разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 1 августа 2018 г. № 428.

В практическом плане «регион, обеспечив себе развитие всех элементов воспроизводственного процесса, создал объективные предпосылки для относительного обособления по отношению к общественному воспроизводству в целом» [2, с. 30].

Профессор А. С. Новоселов подчеркивает, что «региональный рынок представляет собой территориальную организацию сферы обращения, где происходит согласование интересов производителей и потребителей, при этом региональный рынок рассматривается с позиции процесса воспроизводства — переплетения многочисленных взаимодействий субъектов региональной экономики, выступающих производителями и потребителями различных видов товаров и услуг» [6, с. 13].

Региональный потребительский рынок входит в систему региональных рынков с позиции воспроизводственного подхода [7]. При этом региональный потребительский рынок «представляет собой такую организацию сферы обращения, которая имеет своей целью удовлетворить потребности населения данной территории в товарах и услугах на основе максимального использования товарно-денежных отношений через рыночные механизмы взаимодействия и спроса» [4, с. 47].

Таким образом, цифровая трансформация регионального потребительского рынка — это процесс глубоких изменений в организации сферы обращения под воздействием цифровых технологий, которые меняют способы удовлетворения потребностей населения, механизмы взаимодействия поставщиков и потребителей.

Как отмечено ранее, ИКТ-сектор — это ядро цифровой экономики. В период пандемии ИКТ-сектору «предоставилась» уникальная возможность роста в критических социально-экономических реалиях, характеризующихся усиленным спросом на услуги «удаленного доступа», разработки ИТ-обеспечения для бизнеса.

В таблице нами представлено сопряжение динамики развития ИКТ-сектора и электронной торговли в Свердловской области за период 2017–2020 гг. Анализ показателей позволяет сделать вывод о резком росте развития ИКТ-сектора и интернет-торговли. Так, доля продаж через Интернет в регионе выросла в 2,3 раза и достигла значения 4,1 % в общем объеме оборота розничной торговли в 2020 г.

**Сопряжение динамики развития ИКТ-сектора и электронной торговли
в Свердловской области за 2017–2020 гг.**

Показатель	2017	2018	2019	2020	Изменение показателя 2020 г. по сравнению с 2017 г., %	Изменение показателя 2020 г. по сравнению с 2019 г., %
Число организаций, относящихся к сектору ИКТ, ед.	192,0	218,0	199,0	224,0	116,67	112,56
Отгружено товаров (услуг) собственного производства, связанных с информационными и коммуникационными технологиями, млн р.	60 777,6	66 085,3	77 134,0	73 850,1	121,51	95,74
Доля продаж через Интернет в России в общем объеме оборота розничной торговли в фактически действовавших ценах, %	1,3	1,7	2,0	3,9	300,00	195,00
Доля продаж через Интернет в Свердловской области в общем объеме оборота розничной торговли субъекта РФ в фактически действовавших ценах, %	1,8	2,2	2,3	4,1	227,78	178,26
Оборот розничной торговли по торговым сетям, % от общего объема оборота розничной торговли субъекта РФ	30,5	32,6	33,7	Н/д	–	–
Оборот розничной торговли (в фактически действовавших ценах), млн р.	1 078 233,8	1 130 702,0	1 196 946,9	1 117 561,6	103,65	93,37

Примечание. Сост. по: Наука, инновации и информационное общество // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/30403> (дата обращения: 30.01.2022); Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/50236> (дата обращения: 20.01.2022); Итоги АПК // Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. URL: <https://mcxso.midural.ru/article/show/id/105> (дата обращения: 20.01.2022).

В свете мировых тенденций цифровой трансформации, а также в условиях пандемии COVID-19 развитие сектора ИКТ становится необходимым условием, определяющим конкурентоспособность регионального потребительского рынка. Цифровые инновации и новые бизнес-модели стимулируют преобразования в сфере занятости и торговли, меняют работу науки, правительства, городов, а также правила функционирования региональных потребительских рынков.

Серьезный вклад в создание условий для цифровой трансформации регионального потребительского рынка вносит электронная торговля. Доля продаж через Интернет в Свердловской области превышает общероссийский уровень, что позволит обеспечить устойчивое развитие потребительского рынка, находящегося на пути вынужденной трансформации.

Пандемия обусловила тенденцию сохранения значимости дистанционной работы сотрудников предприятий, что сокращает количество покупок товара по пути домой, вырабатывает привычку заказывать доставку. По оценкам экспертов, в течение ближайших 20 лет 95 % покупок, вне зависимости от типа товара, будут осуществляться дистанционно¹.

В период пандемии ускорился процесс внедрения в бизнес-процессы новых цифровых технологий. Становится очевидным, что внедрение цифровых технологий AR/VR в электронную коммерцию может увеличивать конверсию онлайн-покупок.

Цифровые технологии на основе Big Data и роботизации их обработки (по мнению IBM) позволят в течение ближайших трех лет компаниям более эффективно планировать цепочки поставок, прогнозировать спрос, регулировать ценообразование и продвижение товара.

Например, в России внедрение бесконтактных цифровых технологий FID и NFC² в систему «Честный знак» позволяет по-

¹ Отчет Nasdaq. E-Commerce Statistics for 2022. URL: <https://fortunly.com/statistics/> (дата обращения: 29.01.2022).

² Технологии ближней бесконтактной связи (NFC) и радиочастотной идентификации (RFID) используются для обмена данными с помощью радиоволн. Применяется для учета больших объемов маркированной продукции: на производствах, в ритейле.

лучить полную информацию о продукте, снизить риск приобретения недоброкачественной продукции.

В способы удовлетворения потребностей населения серьезные коррективы вносят торговые сети, доля оборота розничной торговли которых в Свердловской области неуклонно растет. «Экспансия новых иностранных, национальных операторов, с одной стороны, обостряет конкуренцию на потребительском рынке области, с другой — несет важные позитивные импульсы, поскольку в результате конкуренции снижаются розничные цены, повышается уровень обслуживания, расширяется ассортимент товаров и услуг, растет уровень технологических процессов» [5, с. 60]. В условиях цифровой конкуренции местным региональным сетям, розничным продавцам важно повышать уровень собственной цифровой оснащенности.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что пандемия COVID-19 выступила серьезным фактором, «ускорителем» цифровой трансформации регионального потребительского рынка товаров, меняя потребности и предпочтения населения, вслед за которыми вынуждены вносить изменения в свои бизнес-процессы хозяйствующие субъекты.

Библиографический список

1. *Абдрахманова Г. И.* Что такое цифровая экономика? Тенденции, компетенции, измерения. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 85 с.
2. *Анимица Е. Г., Иваницкий В. П., Пешина Э. В.* В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 109 с.
3. *Бухт Р., Хикс Р.* Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2016. № 13 (2). С. 143–172.
4. *Гутман Г. В.* Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика, 2001. 173 с.
5. *Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В., Веревкин Д. Ю.* Локальный потребительский рынок: сетевые аспекты развития. Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. 136 с.
6. *Новоселов А. С., Кулешов В. В.* Рыночная система региона: проблемы теории и практики. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. 567 с.

7. Шнипер П. И., Новоселов А. С. Региональные проблемы рыночного поведения: экономический аспект. Новосибирск: Наука, 1993. 436 с.

8. Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization // Culture Digitally. 2014. URL: <https://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/> (assessed: 01.02.2022).

9. Dobrica S. From Digitization and Digitalization to Digital Transformation // Grey. 2020. № 16 (1). P. 28–33.

Е. С. Огородникова

Организационные основы функционирования сферы социальных услуг

Статья посвящена анализу подходов к формированию организационного каркаса организационно-экономического механизма сферы социальных услуг. Определены наиболее распространенные формы деятельности производителей в данной сфере, к которым относятся бюджетные и автономные учреждения. Сделан вывод, что функциональная наполненность деятельности производителя закреплена в комплексе национальных и региональных стандартов, порядков оказания социальных услуг.

Ключевые слова: социальные услуги; организация; методология; функции.

С точки зрения организационной методологии функционирование механизма сферы социальных услуг базируется на комплексе организаций, обладающих ресурсной базой и внутренней нормативной и статусной структурой, в рамках которых участники реализуют функции по оказанию социальных услуг [1; 4]. Организационная методология основана на положениях теории организации о взаимодействии и взаимозависимости отдельных элементов организации, что обуславливает результативность и эффективность, в частности аллокативную эффективность, такого взаимодействия.

Организационная методология включает два взаимосвязанных подхода, позволяющих сконструировать организационный каркас механизма сферы социальных услуг: структурный и функциональный. Первый позволяет определить особенности внутреннего строения организации, описать данные особенности количественно, второй подход описывает организацию в целом,

Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах». В Федеральном законе от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» дано следующее определение: «Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами (в том числе при проведении мероприятий по работе с детьми и молодежью в указанных сферах)». Все учреждения наделяются имуществом на праве оперативного управления, т. е. использует имущество в рамках, установленных законом и собственником.

Необходимо отметить, что с позиций методологии аллокативной эффективности [6] организационный статус учреждения является одним из наиболее выигрышных, поскольку позволяет учредителю изымать имущество и перенаправлять его по своему усмотрению, дополнительным плюсом является субсидиарная ответственность учредителя по обязательствам учреждения.

Сравнение организационных статусов работы коммерческих и некоммерческих организаций, являющихся базовыми единицами в рамках рыночной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг и модели, функционирующей на базе социально-ориентированных некоммерческих организаций, сводится к вопросам формирования прибыли и связанным с ними вопросам взаимоотношения с учре-

дителями данных организаций, следовательно, с возможностью привлечения инвестиционного капитала в сферу социальных услуг. Общий принцип максимизации выпуска при ограниченных ресурсах не позволяет говорить о возможностях широкого использования статуса коммерческой организации для сферы социальных услуг [7].

Еще одной особенностью организационной методологии механизма сферы социальных услуг являются нормативные требования к большинству организаций, уравнивающие параметры расходной части в плане обеспечения соответствия нормативам и стандартам деятельности в данной сфере. Структурные характеристики организаций сферы социальных услуг базируются на требованиях Методических рекомендаций по разработке положений о структурных подразделениях предприятий, учреждений, организаций, в которых представлены наиболее характерные для каждого структурного подразделения цели, задачи, функции, права, основы и принципы деятельности. Данные положения распространяются на структурные подразделения организаций, независимо от их формы собственности, отраслевой принадлежности, ведомственной подчиненности. На основе этих Методических рекомендаций организации разрабатывают собственные документы путем уточнения общих положений, исходя из специфики деятельности.

Характеризуя организационное разнообразие производителей сферы социальных услуг, исследователи отмечают [2; 5], что при недостатке государственных учреждений функции сферы социальных услуг часто передаются иным организациям общественного сектора: религиозным учреждениям, клубам, школам и т. п.

В нормативных документах организационный статус деятельности субъектов сферы социальных услуг тесно взаимосвязан с функциональными характеристиками. Основные функции, реализуемые организациями сферы социальных услуг, закреплены в пакетах соответствующих национальных и региональных стандартов. Необходимо отметить и наличие территориальной специфики оказания социальных услуг, поскольку реализация вариантов форм, методов и технологий оказания услуг учитыва-

ет специфику региона, потребности его жителей, что и закреплено в пакете документов регионального уровня. Анализ функциональной составляющей методологии, базирующейся на комплексах Национальных стандартов, показал, что функциональная база сферы социальных услуг достаточно разработана и единообразна для всех субъектов.

Таким образом, рассмотрев организационную методологию конструирования организационно-экономического механизма сферы социальных услуг, можно отметить, что в качестве организационной формы превалируют государственные учреждения, при их недостатке из-за ресурсного дефицита частный и некоммерческий сектор не могут удовлетворить потребность в социальных услугах в полной мере. Негосударственные участники сферы социальных услуг относятся к субъектам малого и среднего бизнеса, которые в отличие от крупных компаний не обладают значительными ресурсами и имеют меньшее влияние на рынке. Вместе с тем такие преимущества малого бизнеса, как гибкость и адаптивность благодаря более тесным отношениям с потребителями и более быстрому процессу принятия решений, позволяют негосударственным субъектам органично встраиваться в гибридную модель сферы социальных услуг.

Библиографический список

1. *Артамонов И. И.* Развитие сферы социальных услуг региона в контексте становления социального государства // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 16. С. 144–147.
2. *Огородникова Е. С.* Социальные услуги как инструмент сохранения человеческого капитала сельских территорий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. № 1 (7). С. 106–111.
3. *Плотников В. А.* Структура собственности и решение задач социального развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 3 (45). С. 14–18.
4. *Пьянкова С. Г.* Совершенствование отраслевых и региональных рынков услуг: российский и зарубежный опыт // Фундаментальные исследования. 2020. № 8. С. 97–102.
5. *Шеяненко Д. О., Мартынова Т. Н.* Инновационные формы оказания социальных услуг: социальное предпринимательство // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2014. № 11. С. 111–119.

6. *Bargerstock A. S.* The HRM effectiveness audit: A tool for managing accountability in HRM // *Public Personnel Management*. 2000. № 29 (4). P. 517–527.

7. *Baruch Y., Ramalho N.* Communalities and distinctions in the measurement of organizational performance and effectiveness across for-profit and nonprofit sectors // *Nonprofit and voluntary sector quarterly*. 2006. № 35 (1). P. 39–65.

Н. В. Новикова, А. И. Леонтьев

Проекция теории поляризованного развития в документах стратегического планирования субъектов Российской Федерации (на примере Уральского макрорегиона)

В статье проведен содержательный и сравнительный анализ документов стратегического планирования федерального и регионального уровней Российской Федерации и сделаны выводы на предмет содержания в них идеологии поляризованного пространственного развития. Статья будет интересна представителям научного сообщества, сотрудникам органов исполнительной власти, студентам и преподавателям.

Ключевые слова: экономический рост; полюс роста; теория полюсов роста; Уральский макрорегион; региональный документ стратегического планирования.

На передний план мировых экономических исследований выходит проблематика поиска новых путей обеспечения экономического роста на различных территориальных уровнях ([3; 4] и др.). Актуальность данного вопроса обострилась изменениями в современной мировой экономике, вызванными пандемией COVID-19 [11].

По мнению авторов, одним из действенных инструментов обеспечения экономического роста является повышение эффективности использования имеющихся ресурсов, в том числе пространственных. На сегодняшний день одним из наиболее перспективных направлений развития территорий является создание особых экономических зон, кластеров, индустриальных парков и т. д.

Элементы поляризационного пространственного развития представлены в документах стратегического планирования на

федеральном и региональном уровнях. В частности, в качестве одного из направлений развития региональной экономики определяется необходимость создания механизмов повышения инвестиционной привлекательности региона, использования потенциала территорий для развития и модернизации промышленности, активизации деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Указанные направления развития экономики региона приобретают особое значение в условиях перехода к инновационной модели развития.

Теория поляризованного развития (теория полюсов роста) имеет достаточное количество последователей, которые посвящают свои труды объяснению причин поляризованного распределения экономических процессов и явлений в пространстве, неравномерности развития регионов, существенного различия темпов экономического роста в границах различных территорий ([5; 6; 7; 8; 10; 12] и др.).

Французский экономист Ф. Перру, один из идеологов теории поляризационного развития, определил важную закономерность: «рост не появляется везде одновременно; он проявляется в точках или полюсах роста с различной интенсивностью; он распространяется по различным каналам и с переменными конечными эффектами для экономики в целом» [9, р. 143]. Ученый в своих научных работах рассматривал экономические пространства как «набор отношений, определяющих плоскость единицы и плоскость других единиц» [9, р. 130].

Х. Р. Ласуэн, испанский исследователь, рассматривал полюс роста как «региональный отраслевой кластер заведений, связанный с региональной экспортной деятельностью, которая расположена в одном или нескольких географических кластерах региона» [7, р. 164].

Американский исследователь М. Томас определяет полюса роста как группу экономической деятельности, которая сосредотачивает в своей собственной сфере центростремительные и центробежные силы [12, р. 54].

Джон Парр, почетный профессор Университета Глазго и Университетского колледжа Лондона, рассматривал «полюс роста в географическом пространстве как любой городской центр, который отображает конкретные характеристики роста

(в абсолютном и относительном выражении), без каких-либо предположений об основе роста или о воздействии на его зону влияния» [8, р. 1198].

Российский профессор К. В. Павлов отмечает, что «главное свойство полюсов роста заключается в том, чтобы способствовать развитию различных элементов экономики» [2, с. 23].

Авторы данной статьи трактуют понятие «полюс роста» как комплекс предприятий, сконцентрированных на определенной территории и оказывающих сильное воздействие на количественные и качественные характеристики социально-экономического развития региона.

В качестве полюсов активности на территории Российской Федерации, исходя из их содержания и назначения, можно рассматривать: кластеры; инновационные научно-технологические центры; особые экономические зоны; территории опережающего социально-экономического развития; индустриальные (промышленные) парки [1, с. 113].

В связи с этим авторами предлагается рассмотреть наличие или отсутствие элементов поляризованного развития (полюсов роста) в документах стратегического планирования Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

В соответствии с п. 1 Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определены следующие национальные цели развития:

- «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей»;
- «Возможности для самореализации и развития талантов»;
- «Комфортная и безопасная среда для жизни»;
- «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»;
- «Цифровая трансформация».

Для реализации этого документа принят Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. (далее — Единый план), утвержденный распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р.

В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» в Едином плане сформированы основные стратегические приоритеты, направленные на создание новых полюсов роста и развитие действующих полюсов роста, в том числе инфраструктуры.

В указанном нормативно-правовом акте приведены факторы, влияющие на достижение данной национальной цели:

– «Развитие транспортной инфраструктуры — автомобильные дороги» (строительство автомобильных дорог международного транспортного коридора «Европа — Западный Китай»);

– «Поддержка региональных инвестиционных проектов и зон развития» (запуск усовершенствованного механизма инвестиционного налогового вычета, повышение эффективности зон развития (в том числе особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего развития (ТОСЭР) и др.) и др.);

– «Реализация крупных инфраструктурных проектов».

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в которой выделены основные векторы пространственного развития на территории страны.

Необходимо отметить, что в числе приоритетов пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.:

– «опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономической динамики, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала»;

– «развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации».

Также стоит выделить одно из основных направлений пространственного развития Российской Федерации как обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологической и инновационной динамики страны за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации — крупных и крупнейших городских агломераций.

В рамках данного исследования авторами рассматривается Уральский макрорегион, в который входят следующие субъекты Российской Федерации: Свердловская область, Челябинская область, Курганская область, Оренбургская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Удмуртия.

В соответствии с Законом Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ принята Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.

В рамках указанного документа регионального стратегического планирования выделяются следующие элементы поляризационного развития:

– реализация государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2024 года»¹ — проект «Уральский технополис»;

– реализация государственной программы Свердловской области «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года»² — проект «Новая промышленная инфраструктура».

Согласно постановлению Законодательного собрания Челябинской области от 31 января 2019 г. № 1748 принята Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г.

В рамках указанного документа регионального стратегического планирования выделены направления:

– «Новая высокотехнологичная промышленность» (одна из мер по реализации направления — привлечение инвестиций для создания предприятий в перспективных отраслях промышленности Челябинской области, в том числе создание и развитие промышленных парков, технопарков и территорий опережающего социально-экономического развития);

¹ Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2024 года»: постановление Правительства Свердловской области от 24 октября 2013 г. № 1293-ПП.

² Об утверждении государственной программы Свердловской области «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года»: постановление Правительства Свердловской области от 17 ноября 2014 г. № 1002-ПП.

– «Челябинская область — центр привлечения инвестиций» (одна из мер по реализации направления — создание экосистемы для инвестиций в части создания эффективных инвестиционных площадок, введения льготных налоговых режимов, снижения административных барьеров, осуществление мер государственной поддержки инвестиционных проектов, в том числе создание и развитие индустриальных парков, промышленных технопарков государственной и частной форм собственности на новых площадках, а также объектов промышленной и технологической инфраструктуры, в том числе в составе территорий опережающего социально-экономического развития, и др.);

– «Развитие городских агломераций и транспортной инфраструктуры» (целью данного направления является развитие экономических центров и городских агломераций, малых и средних городов, сельских территорий за пределами крупных городских агломераций).

Кроме того, элементы поляризационного развития (формирования полюсов роста) определяются в следующих государственных программах Челябинской области:

– «Экономическое развитие и инновационная экономика Челябинской области»¹;

– «Развитие промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области»².

В соответствии с постановлением Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624 утверждена Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.

В рамках указанного документа выделяется следующее:

– «Инновация» (перспективными направлениями инновационного и технологического развития являются формирование и расширение кластерного подхода в экономическую модель региона);

¹ *О государственной программе Челябинской области «Экономическое развитие и инновационная экономика Челябинской области»:* постановление Правительства Челябинской области от 12 ноября 2020 г. № 577-П.

² *О государственной программе Челябинской области «Развитие промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области»:* постановление Правительства Челябинской области от 19 декабря 2019 г. № 551-П.

– «Муниципальные образования со сдержанным уровнем социально-экономического развития» (в рамках данного направления утвержден комплекс мер, направленных на создание условий для диверсификации экономики и развития бизнеса в данных городах, в том числе принятие правовых актов Республики Башкортостан о возможности создания территорий опережающего социально-экономического развития регионального уровня, а также о льготах по региональным налогам для резидентов таких территорий);

– «Моногорода» (для принятия комплексных мер, направленных на решение обозначенных задач и достижение вышеуказанных целевых ориентиров, необходимо создать в границах моногородов Нефтекамска, Белорецка, Благовещенска и Учалов территории опережающего социально-экономического развития; привлечь резидентов на ТОСЭР, созданные в границах монопрофильных муниципальных образований);

– «Агломерация территорий» (для принятия комплексных мер по достижению заданных целевых ориентиров потребуется реализовать портфель проектов «Сбалансированное развитие территорий Республики Башкортостан». Данный портфель проектов направлен на преодоление разрыва в уровне развития муниципальных образований, создание территорий роста в пространстве республики и так называемое «подтягивание» отстающих территорий в пределах экономических зон).

Кроме того, элементы поляризованного развития (создания полюсов роста) определяются в следующих государственных программах Республики Башкортостан:

– «Экономическое и инвестиционное развитие Республики Башкортостан»¹;

– «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан»²;

¹ *Об утверждении государственной программы «Экономическое и инвестиционное развитие Республики Башкортостан»:* постановление Правительства Республики Башкортостан от 14 июля 2016 г. № 287.

² *Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан»:* постановление Правительства Республики Башкортостан от 12 марта 2018 г. № 98.

– «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан»¹.

Вместе с тем стоит отметить, что в документах стратегического планирования Курганской, Оренбургской областей, Пермского края и Республики Удмуртия отсутствует идеология поляризационного развития.

На основании изложенного авторы делают вывод, что в настоящий момент концептуальные положения поляризованного развития территорий представлены в документах стратегического планирования Республики Башкортостан, Свердловской и Челябинской областей. В документах регионального стратегического развития Курганской, Оренбургской областей, Пермского края и Республики Удмуртия идеология поляризационного пространственного развития не нашла своего отражения.

Библиографический список

1. *Леонтьев А. И., Новикова Н. В.* Региональная проекция теории полюса роста: зарубежный и российский опыт // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 4. С. 106–117.

2. *Павлов К. В.* Экономическое ядро: сущность, критерии формирования и элементный состав // Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 9. С. 19–27.

3. *Силин Я. П., Анимца Е. Г., Новикова Н. В.* Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 2. С. 5–29.

4. *Цветков В. А., Сухарев О. С.* Экономический рост России: новая модель управления. М.: ЛЕНАНД, 2017. 352 с.

5. *Boudeville J.* Les espaces économiques. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 127 p.

6. *Lasuén J. R.* On growth poles // Urban Studies. 1969. № 6. P. 137–152.

7. *Lasuén J. R.* Urbanisation and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // Urban Studies. 1973. № 10. P. 163–188.

¹ О государственной программе «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан»: постановление Правительства Республики Башкортостан от 14 ноября 2018 г. № 548.

8. *Parr J. B.* Growth-pole strategies in regional economic planning: A retrospective view: Part 1. Origins and advocacy // *Urban Studies*. 1999. № 7. P. 1195–1215.

9. *Perroux F.* *L'économie du XXème siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 598 p.

10. *Pottier P.* Axes de communication et développement économique // *Revue économique*. 1963. Vol. 14. P. 58–132.

11. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 213 p.

12. *Thomas M. D.* Growth pole theory: An examination of some of its basic concepts // *Growth Centres in Regional Economic Development* / N. M. Hansen (Ed.). New York: Free Press, 1972. P. 50–81.

И. И. Рахмеева

Регуляторная политика регионов России в условиях постковидного развития

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 поставила руководство регионов перед необходимостью выбора сбережения населения и поддержания экономики. При этом ковидный кризис существенно отличается от экономических кризисов XXI в. по причинам, структуре пострадавших отраслей, факторам и динамике восстановления, механизмам преодоления провала. Целью исследования стало выявление подходов к регуляторной политике в субъектах РФ в 2020–2021 гг. и анализ взаимосвязи выбранного подхода с экономическими результатами. Проведенное исследование показало, что ограничительная политика существенно дифференцирована по регионам, подходы к ее выбору в условиях начала пандемии и постковидного развития отличны, при этом жесткость ограничительной политики не является решающим фактором для уровня заболеваемости и темпов промышленного развития (в отличие от потребительского сектора). В статье обосновывается необходимость применения аналитического инструментария при принятии регуляторных решений в сохраняющихся условиях угрозы очередных волн коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: региональное развитие; ковидный кризис; постковидное развитие; новая реальность; регуляторная среда.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стала частью новой реальности человеческой жизнедеятельности. Пережив за два года четыре волны пандемии и потеряв надежду на скорый ее уход, все участники социально-экономической системы, от потребителя до предприятий и органов власти, были вы-

нуждены изменить свои привычные паттерны экономического поведения и цели развития.

Низкий уровень вакцинации в России, продиктованный в том числе низким уровнем институционального доверия, во многом определяет высокий уровень заболеваемости. Успех в достижении приемлемого уровня вакцинации представляется сомнительным многим экспертам [1, с. 7], но и опыт стран с высоким уровнем вакцинации, например Англии, показал, что эта мера не позволяет избежать новых волн.

Ковидный кризис в экономике существенно отличается от кризисов, с которыми сталкивалась страна в новом тысячелетии [2, с. 208; 7, с. 40]. Это отличие не только в факторах, вызвавших стремительное падение большинства социально-экономических показателей, но и в структуре пострадавших отраслей, динамике восстановления и механизмах преодоления провала.

Экономгеограф Н. В. Зубаревич показывает, что в 2020 г. наряду с сектором услуг сильнее пострадала добывающая промышленность, особенно нефтяная, а вот обрабатывающая пострадала незначительно [2, с. 210].

В 2021 г. экономика России в основном была поддержана благодаря восстановлению цен на нефть, хотя спрос на нефть и экспорт пока не восстановились. Вследствие низкой базы в 2021 г. наблюдается положительная динамика выхода из кризиса, при этом больший рост показывают наиболее пострадавшие регионы (рис. 1, 2). Так, Н. В. Зубаревич отмечает лучшую динамику среди крупных промышленных регионов у тех, которые годом ранее испытали самый сильный спад (Приморский край, Якутия, Ульяновская область), а также в регионах со специализацией на обрабатывающих отраслях [3].

Коллектив Пермского государственного научно-исследовательского университета под руководством профессора Т. В. Миролюбовой провел эконометрический анализ зависимости устойчивости экономики регионов от экономических и демографических параметров. По итогам установлено, что высокий уровень социально-экономического развития региона до пандемии не повлиял на устойчивость, зато выявлена корреляция с плотностью населения, уровнем заболеваемости и смертности [6, с. 249].

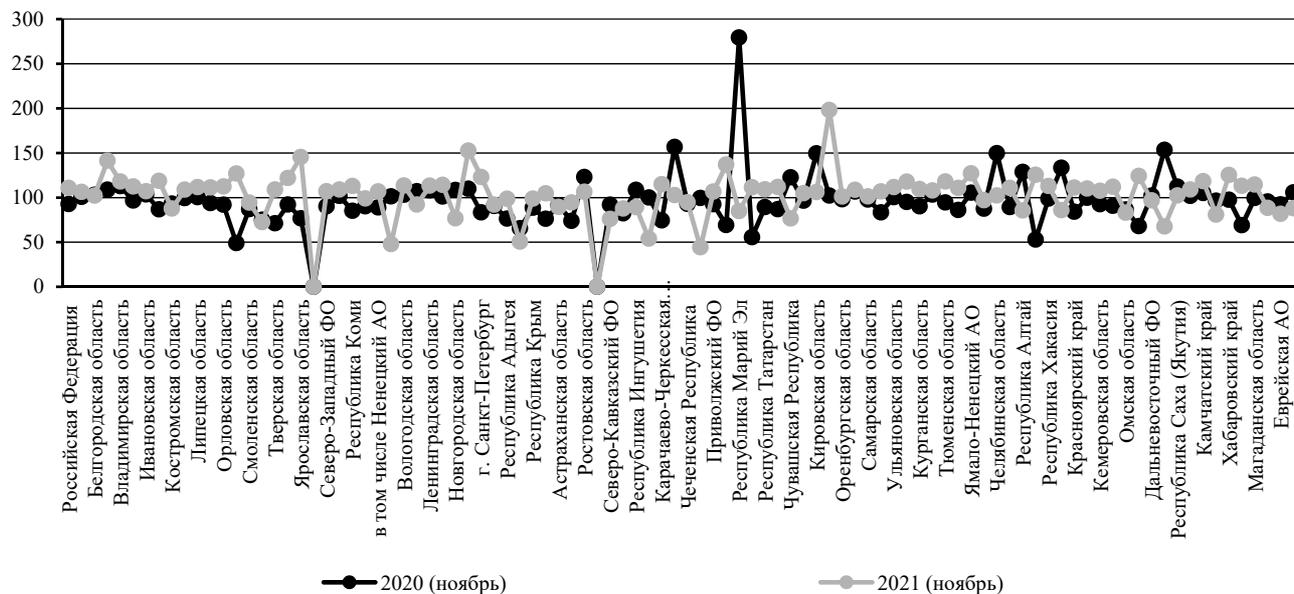

Рис. 1. Индекс производства (ОКВЭД — добыча полезных ископаемых) в ноябре к соответствующему периоду предыдущего года, %¹

¹ Составлено по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=добыча+полезных+ископаемых> (дата обращения: 01.02.2022).

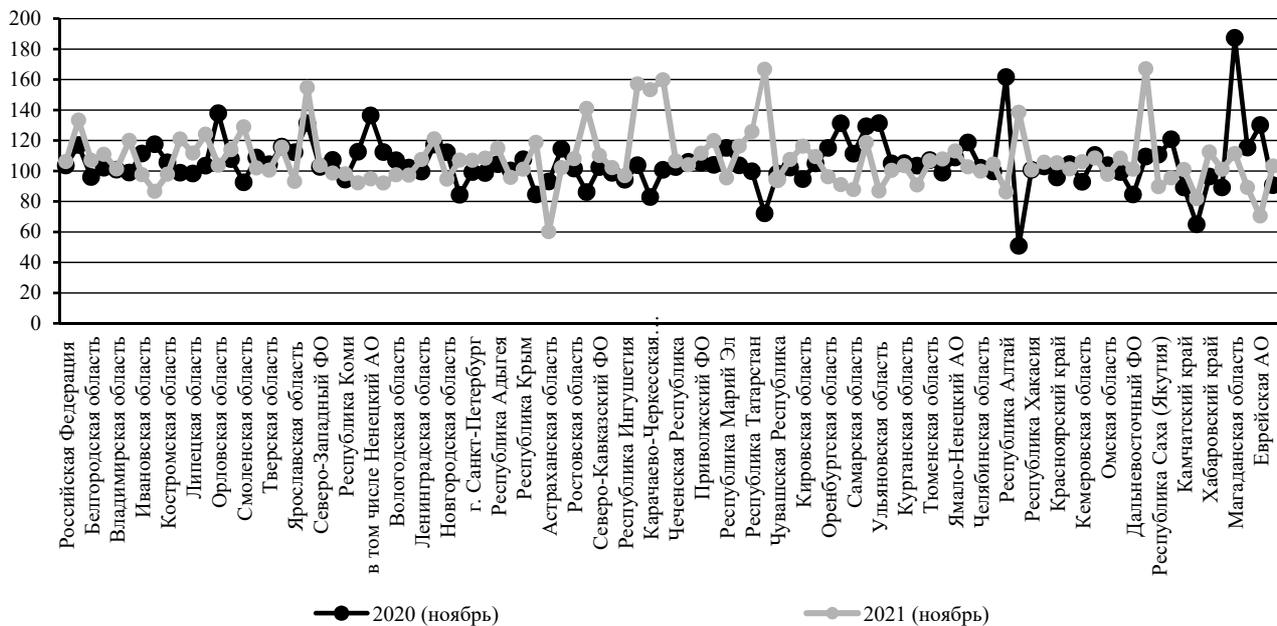

Рис. 2. Индекс производства (ОКВЭД — обрабатывающие производства) в ноябре к соответствующему периоду предыдущего года, %¹

¹ Составлено по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=обрабатывающие+производства> (дата обращения: 01.02.2022).

Исследователи Уральского федерального университета под руководством профессора И. Д. Тургель выявили, что наиболее уязвимыми для пандемии Covid-19 «оказались регионы с высокой долей городского населения и развитым малым и средним бизнесом» [8].

Ведущие эксперты ставят под сомнение дальнейший рост после незначительного подъема, «отскока от дна кризиса» [1, с. 13; 2, с. 215; 7, с. 46].

Выбор регуляторной политики регионов России в условиях распространения пандемии.

Дилемма выбора в условиях пандемии между сохранением экономики и финансов либо сохранением человеческого капитала на федеральном и региональном уровне может решаться по-разному и различными инструментами.

В 2020 г., как отмечает академик А. Г. Аганбегян, «сбережение народа, доходы и потребление граждан и драйверы социально-экономического роста (инвестиции в основной и человеческий капитал, ввод жилья и экспорт) оказались принесенными в жертву сохранению экономики и финансов» [1, с. 8].

Председатель Правительства РФ 17 марта 2020 г. утвердил План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Вслед за этим в регионах принимаются аналогичные планы.

Федеральная антикризисная программа предусматривала существенные расходы бюджета в части финансирования здравоохранения, доплат медработникам, выплат пострадавшим предприятиям и потерявшим работу гражданам, поддержке семей с детьми. Субъекты РФ тоже наращивали расходы на здравоохранение, но ввиду ограниченности их бюджетных возможностей ключевым инструментом в их распоряжении стало регулирование ограничительных мер в работе организаций. При этом в условиях дефицита ресурсов с глав субъектов РФ никто не снимал задач по достижению показателей, поставленных Президентом России.

Ковидный кризис отбросил систему государственного управления на 10–20 лет назад, переведя ее на «ручное управление» напрямую руководством региона, в частности, региональ-

ными оперативными штабами по предупреждению возникновения и распространения коронавирусной инфекции на территории субъектов РФ. Регуляторные решения принимались без процедур анализа последствий и прогнозирования динамики основных показателей, без обратной связи с обществом. В то же время эксперты отмечают, что «количественная оценка краткосрочных последствий приведет к более эффективному принятию оперативных решений по преодолению негативных тенденций, вызванных пандемией» [6, с. 242]. Кроме того, требуется экономическое обоснование объемов медицинской помощи [4].

Процедура оценки регулирующего воздействия по проектам актов, разрабатываемым в связи с распространением коронавирусной инфекции, была сохранена в единичных регионах, преимущественно с отказом от такого важного элемента, как публичные консультации. При этом анализ итогов оценки регулирующего воздействия в этих регионах показал, что на оценку и обсуждение выносились исключительно меры государственной поддержки пострадавших в период эпидемии организаций. В Краснодарском крае из 37 проектов, прошедших обсуждение, по 6 разработчик отказался от их принятия в предложенной редакции по итогам оценки. В том числе, например, было принято во внимание замечание участников публичных консультаций о заужении перечня видов деятельности (отели, санатории, турагентства), по которым правительство края планировало предоставить право на уплату 50 % годовой арендной платы. В ХМАО — Югре по 26 проектам отказов и доработок не было.

Регионалисты отмечают, что в Российской Федерации так и не удалось решить «вопрос проведения масштабной децентрализации» ни в части идеологии, ни на правовом или практическом уровне [5, с. 219]. Однако в условиях пандемии, сохранив централизованную систему политического и фискального управления, была проведена резкая децентрализация административного управления путем передачи Президентом РФ главам субъектов РФ в мае 2020 г. права самостоятельно определять подходы к борьбе с распространением коронавирусной инфекции на территории региона.

Ограничения на уровне субъектов РФ оказались весьма дифференцированы. Это стало заметно уже в рамках первой волны пандемии, когда на фоне всеобщего локдауна отдельные

главы регионов принимали решение не прекращать работу предприятий целых отраслей.

Анализ регуляторной политики субъектов РФ на заре пандемии выявил несколько подходов [9, р. 91]:

- 1) длительные массовые ограничения (треть регионов);
- 2) длительные избирательные ограничения — не останавливалась или быстро была разрешена работа ключевых промышленных предприятий, постепенно разрешалась работа отдельных бытовых сфер, деятельность на свежем воздухе;
- 3) введение дифференцированных ограничений в пространстве региона — различные ограничения для муниципалитетов в зависимости от численности населения и удаленности от административного центра (порядка 10 % регионов);
- 4) быстрое снятие жестких ограничений (единичные регионы).

Фонд «Петербургская политика» организовал мониторинг и публикацию классификации регионов по степени жесткости мер по внедрению карантинных ограничений и вакцинации¹. В 2020 г. в группу регионов с максимально жесткими ограничениями попал 21 субъект РФ, в 2021 г. — 12. Мягкую ограничительную политику в 2020 г. вели 5 регионов, а в 2021 г. — уже 21.

Сопоставление жесткости ограничительной регуляторной политики в 2020 г. с индексами промышленного производства по отраслям по итогам года не показывает связи. Что отражается и в дифференциации динамики доходов бюджетов субъектов РФ. Так, профессор Н. В. Зубаревич отмечает, что «самые большие потери в 2020 г. имели регионы добывающей промышленности (четверть субъектов РФ) из-за резкого и длительного падения налога на прибыль. Локдауны апреля — мая оказались менее значимой причиной» [2, с. 215]. А с точки зрения устойчивости к шокам региональных бюджетов ведущим фактором стали трансферты из федерального бюджета [5, с. 219].

Сопоставление жесткости ограничительной регуляторной политики в 2020–2021 гг. с уровнем заболеваемости (число

¹ *Рейтинг* Фонда «Петербургская политика» за июнь 2021 г. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2021-06> (дата обращения: 11.02.2022).

заражений на 100 тыс. чел.) не демонстрирует однозначной связи. Очевидно наличие иных факторов, существенных по силе влияния. Исследовательский коллектив РАНХиГС и МГУ им. М. В. Ломоносова показал эконометрическую связь заболеваемости с плотностью населения в городах, близостью к крупнейшим мегаполисам, долей наиболее активной и часто путешествующей части населения (новаторы, мигранты), с интенсивностью связей внутри территориального сообщества и международных контактов [10, p. 288].

В 2021 г. факторами выбора степени жесткости ограничений стали:

1) уровень адаптации системы здравоохранения к всплескам заболеваемости;

2) уровень падения экономики в 2021 г. и потребность в ее восстановлении в сильно просевших регионах (например, тройка «антилидеров» по Индексу промышленного производства в апреле 2021 г. — Еврейская автономная область, Красноярский край, Кабардино-Балкарская Республика — вошла в многочисленную группу регионов с низкой степенью жесткости антиковидных ограничений в 2021 г.).

Перспективы развития регуляторной политики в постковидной реальности.

Академик А. Г. Аганбегян видит выход в переходе «к финансовому форсажу для драйверов социально-экономического роста, начав увеличивать ежегодно на 10–15 % инвестиции в основной капитал, сферу „экономики знаний“, жилищное строительство и внешнюю торговлю» [1, с. 14].

У регионов ресурсов не хватает, при этом они ограничены в бюджетных займах. «Чтобы заинтересовать регионы в развитии, нужно перевести их на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление. До 70 % регионов страны сегодня вносят в центр намного больше средств, чем центр направляет в эти регионы» [1, с. 16].

Конкурентная борьба за инвесторов между территориями обостряется, при этом уже идет не столько гонка за внешним инвестором, сколько перетягивание ресурсов между регионами страны. Поэтому создание более комфортной регуляторной среды в субъекте РФ способно обеспечить перетоки предприни-

матерльской активности и ресурсов в регионы с благоприятной средой.

Профессор О. С. Сухарев отмечает, что наряду с проблемой нехватки инвестиций для новой модели роста важное значение имеет «проблема нехватки совокупного спроса, что видно по увеличению социального расслоения и росту бедности в России» [7, с. 35]. При этом он видит механизм решения перечисленных проблем на федеральном уровне в «изменении институтов, структуры экономики и иного распределения ресурсов, а также при смене аналитического содержания применяемых к подготовке государственных решений подходов» [7, с. 51]. Профессор И. Д. Тургель с коллегами установили, что стабилизации совокупного предложения и спроса в регионах России способствовали «внедрение цифровых технологий, новых методов доставки и ориентация на новые сектора рынка» [8].

С учетом изложенного перспективным видится переориентация регуляторной политики в субъектах РФ на поддержку совокупного спроса, развитие дистанционных технологий и платформенных решений, развитие внутри- и межрегиональных связей.

На региональном уровне также требуется пересмотр не только регуляторной политики, но и подходов к ее формированию. Начавший укрепляться инструмент оценки регулирующего воздействия при принятии регуляторных решений в субъектах РФ был отброшен, хотя, как никогда, регионы нуждались в принятии взвешенных, сбалансированных по социальным и экономическим интересам решений.

Библиографический список

1. *Аганбегян А. Г.* Новые тренды в кризисной ситуации 2020–2021 г. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 2 (65). С. 5–19.

2. *Зубаревич Н. В.* Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 208–218.

3. *Зубаревич Н. В.* Регионы России: динамика выхода из ковидного кризиса в 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 10. С. 64–69.

4. *Исторически обусловленные формы экономической обоснованности объема медпомощи населению / А. М. Беляев, Н. Л. Красюкова, Ю. Н. Шедько и др. // Вопросы истории. 2021. № 6–2. С. 216–221.*
5. *Климанов В. В., Михайлова А. А. Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 218–226.*
6. *Миролюбова Т. В., Ворончихина Е. Н. Пространственная неравномерность влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие регионов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16, № 3. С. 238–254.*
7. *Сухарев О. С. Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2021. № 4. С. 35–54.*
8. *Turgel I. D., Chernova O. A., Usoltceva A. A. Resilience, robustness and adaptivity: large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis // Area Development and Policy. 2021. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522.*
9. *Vlasova N. Yu., Rakhmееva I. I. Regional Decision-Making in the Context of a Pandemic: Speed vs Cost Assessment // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020). P. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201105.017>.*
10. *Zemtsov S. P., Baburin V. L. COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors across Russian Regions // Regional research of Russia. 2020. Vol. 10, no. 3. P. 273–290.*

С. Г. Пьянкова, Е. А. Сорокина

Инвестиционное развитие ресурсодефицитного региона в условиях пандемии

В статье представлены факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность в регионе в условиях пандемии. Обобщены предложения зарубежных ученых и исследователей в части более эффективного инвестиционного развития региона. Предложен алгоритм отбора стратегических инвестиционных проектов, а также комплекс стратегических направлений инвестиционного развития ресурсодефицитного региона.

Ключевые слова: инвестиции; ресурсодефицитный регион; пандемия; проект; стратегия.

Одной из ключевых национальных целей развития на период до 2030 г. является «реальный рост инвестиций в основной

капитал не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 года»¹. При этом в последние годы в условиях распространения коронавирусной инфекции наблюдается снижение инвестиционной активности. Важную роль приобретает повышение эффективности формирования и реализации инвестиционных программ и стратегий регионов.

В условиях пандемии и мирового экономического положения авторы проанализировали факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность в регионе. Среди ключевых исследователи и ученые выделяют:

- неопределенность экономической обстановки, снижение доступа к внешним рынкам, необходимое количество квалифицированных работников для использования нового оборудования²;

- санкции и связанная с ними возросшая экономическая неопределенность³;

- структурные различия в системе подготовки кадров и требованиях инвесторов, недостаточный уровень компетенций выпускников для реализации инвестпроектов [7];

- высокий процент коммерческих кредитов и сложный механизм получения кредитов, высокий уровень инфляции и неопределенность экономической ситуации [1; 2].

Авторы исследовали изменение объема инвестиций в основной капитал на примере одного из регионов России — Чувашской Республики, который, по исследованиям Е. А. Сорокиной, является ресурсодефицитным [5; 6].

Установлено, что в кризисный «пандемийный» период 2020 г. объем инвестиций в основной капитал в Чувашской Рес-

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р.

² Инвестиционная активность промышленных предприятий России в 2019 г. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 15 с. URL: https://issek.hse.ru/data/2020/05/26/1551577767/investment_activity_2019.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

³ Инвестиции в России — требуется перезагрузка // Финанс. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/investicii-v-rossii-trebuetsya-perezagruzka-20181225-140927/> (дата обращения: 01.12.2021).

публике снизился на 24 % и составил 52,4 млрд р.¹ Основная причина снижения объемов инвестиций связана с пандемией коронавирусной инфекции, которая с 2020 г. внесла серьезные коррективы в экономику большинства стран мира и, соответственно, регионов.

По оценке Министерства экономического развития и имущественных отношений Чувашской Республики, объем инвестиций в основной капитал в 2021 г. составит 55,8 млрд р., или 101 % к уровню 2020 г. Начиная с 2022 г. прогнозируется увеличение темпов роста инвестиций в основной капитал региона: в 2022 г. по базовому варианту — 59,9 млрд р., или 102,1 %, в 2023 г. — 65,2 млрд р., или 103 %, в 2024 г. — 72,2 млрд р., или 105,1 %.

В Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 г.² представлены следующие ключевые приоритетные направления развития инвестиционной деятельности до 2035 г.: позиционирование республики как региона, обладающего максимальным инвестиционным потенциалом и минимальным риском вложения инвестиций, как территории для внедрения новых технологий; создание пула открытых проектов для инвесторов; активное информирование потенциальных инвесторов о параметрах и динамике инвестиционного климата; взаимодействие с различными институциональными сторонами инвестиционного процесса; формирование и развитие проектного подхода к улучшению инвестиционного климата; др.

Авторы считают, что эффективное формирование и реализация документов стратегического планирования возможны только на основе стратегических инвестиционных проектов. Каждый проект представляет собой совокупность мероприятий, направленных на решение конкретной частной задачи.

¹ *Официальный сайт* Министерства экономического развития и имущественных отношений Чувашской Республики. URL: <https://minec.cap.ru/doc/laws/> (дата обращения: 15.01.2022).

² *О стратегии* социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года: Закон Чувашской Республики от 26 ноября 2020 г. № 102.

Рис. 1. Алгоритм отбора стратегических инвестиционных проектов в ресурсодефицитных регионах

По мнению авторов, особенностями стратегических инвестиционных проектов ресурсодефицитных регионов являются:

- большая роль при их формировании и реализации партнерских отношений между исполнительной и законодательной властью регионального и федерального уровней, бизнесом, научно-образовательным комплексом, населением;

- акцентирование внимания при выборе проектов на снижении ресурсодефицитности региона, улучшении качества жизни населения;

- формирование их на основе глубокого анализа текущего уровня социально-экономического развития ресурсодефицитного региона и уровня его инвестиционной привлекательности.

Авторами предложен алгоритм отбора стратегических инвестиционных проектов (рис. 1) на основе разработок С. Г. Пьянковой [3; 4] путем дополнения и усовершенствования применительно к ресурсодефицитным регионам.

Согласно представленному механизму предложено выбирать показатели, позволяющие оценить социальную (создание новых рабочих мест, рост средней заработной платы работников, повышение числа занятого населения в трудоспособном возрасте, повышение доступности и качества услуг населению и т. д.) и экономическую (объем инвестиций в основной капитал, прирост объемов производства, рост налоговых доходов регионального бюджета, снижение расходов регионального бюджета, снижение дефицита бюджета, рост числа субъектов малого и среднего предпринимательства, прирост прибыли организации и т. д.) эффективность проекта.

Реализация отбора проектов по вышепредложенной схеме позволит более эффективно формировать региональные документы стратегического планирования, улучшить показатели социально-экономического развития, повысить уровень жизни населения ресурсодефицитного региона.

Зарубежными учеными и исследователями предложен ряд стратегических подходов к более эффективному инвестиционному развитию региона, в частности:

- Gaebel K., Tamenova Z., Kozlenkova N. на основе анализа Казахстана акцентируют внимание на необходимости выделения преимуществ региона для инвесторов, проведения межрегионального сотрудничества [9];

Рис. 2. Комплекс стратегических направлений инвестиционного развития ресурсодефицитного региона

– Kituyi M., Guterres A. представили варианты инструментов инвестиционной политики в условиях новой промышленной революции [10];

– Nazarezuk J. M., Lizinska W. по результатам анализа Польши пришли к выводу, что для иностранных инвесторов интерес вызывают территории с удобными логистическими системами и налоговыми льготами [11];

– Semin A., Kibirov A., Rassukhanov U. предлагают меры по повышению инвестиционной привлекательности агропромышленной отрасли на примере Северо-Кавказского федерального округа [12];

– Abbas al Mihtawi S. N. в ходе анализа Арабских стран указывает, что для увеличения притока инвестиций инвесторам важны факторы: состояние инфраструктуры, нормативно-правовая база региона, стабильность макроэкономической и политической ситуации [8].

Авторами предложен также комплекс стратегических направлений инвестиционного развития ресурсодефицитного региона (рис. 2).

Предлагаемые стратегические подходы учитывают системные факторы повышения инвестиционной привлекательности ресурсодефицитного региона: формирование и реализация документов стратегического планирования, целевая подготовка персонала, меры по совершенствованию государственной поддержки, развитие механизмов сотрудничества и др.

Применение данных подходов позволит увеличить количество реализуемых проектов в регионах, повысить эффективность управления инвестиционными ресурсами, улучшить социально-экономическое развитие территорий, усилить информационное освещение мероприятий, направленных на инвестиционное развитие.

Библиографический список

1. Красильникова Е. А., Никишин А. Ф. Тенденции развития инвестиционной активности как основа менеджмента инвестиций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5–3. С. 82–87.
2. Леднева О. В. Анализ факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность организаций Московской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 3 (34). Ч. 3. С. 52–54.
3. Пьянкова С. Г. Теоретические основы совершенствования институциональной системы монопрофильной территории // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 3 (12). С. 5–15.
4. Пьянкова С. Г. Теория и методология системного социально-экономического развития монопрофильных территорий на основе институционального обновления: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2015. 42 с.
5. Сорокина Е. А. Понятие ресурсодефицитного региона: широкий подход // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 1. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/8d8/8d8b9f286e2c2d9b88d009f93d6a0e2f.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

6. *Сорокина Е. А., Прохоров А. Ю.* Проблематика повышения конкурентоспособности инвестиционного потенциала ресурсодефицитного региона // Управление экономическими системами. 2012. № 8 (44). С. 22.

7. *Стенусь И. С.* Ресурсы инвестиционной деятельности: особенности регулирования в регионах Арктической зоны России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2019. 200 с.

8. *Abbas al Mihtawi S. N.* Assessment of Investment Attractiveness in Arab Countries: Doctoral Thesis. Grin Verlag, 2016. 255 p.

9. *Gaebel K., Tamenova Z., Kozlenkova N.* Kazakhstan investment attractiveness. Ernst & Young's investor opinion survey // EYGM.Limited. 2011. URL: <https://www.mpo.cz/assets/dokumenty/43916/49303/577174/priloha001.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

10. *Kituyi M., Guterres A.* Word investment report 2018. Investment and Industrial Policies. Geneva: United National Publication, 2018. 213 p.

11. *Nazarezuk J. M., Lizinska W.* Level of investment attractiveness and scale of foreign investments during the years 2005–2006 // Olsztyn economic journal. 2009. Vol. 4, no. 1. P. 125–137.

12. *Semin A., Kibirov A., Rassukhanov U.* Problems and Main Mechanisms to Increase Investment Attractiveness of Agricultural Production // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI, issue 2. P. 378–400.

Н. В. Усова, М. П. Логинов

Цифровой рубль и криптовалюты: конкуренты или партнеры?

В статье рассматриваются различные точки зрения на криптовалюты и цифровой рубль, представлены подходы к цифровым активам в мире. Авторами выявлены риски и возможности для национальной экономики, связанные с криптовалютами и цифровым рублем. По результатам исследования сформулированы мероприятия, которые целесообразно реализовать для успешного внедрения цифрового рубля.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровой рубль; цифровые активы; риски; возможности.

Рост популярности цифровых валют и криптовалют постоянно усиливается как в мире, так и в России. На данный момент уже опубликовано достаточно большое количество статей, касающихся как криптовалют, так и цифрового рубля. В частности, можно выделить таких авторов, как Л. С. Э. Батукаева [9],

Э. А. Безуглый [1], Н. И. Быканова, О. В. Ваганова [2], О. В. Вершинина [3], Т. М. Григорьева [4], А. Б. Дудаев, А. В. Затевахи-на [10], И. В. Кисаров [5], Д. И. Кононыхин, Я. Г. Лабушева, Х. Б. Межиева, Т. М. Медведева, Л. А. Новоселова, М. А. Новоселов [6], Г. А. Родина [7], В. О. Сигов, С. Н. Солдаткин [8], И. И. Сорокин, И. С. Султаниев, В. В. Ткаченко, М. Р. Хаджиев, А. И. Яковлев и др.

При условии что в России рынок криптовалют пока не регулируется и вопросы законного его функционирования на территории РФ носят дискуссионный характер, для авторов представляется интерес, какую роль играет цифровой рубль в национальной финансовой системе и каково влияние его введения на востребованность криптовалюты.

Исследователи М. Р. Хаджиев, Л. С. Э. Батукаева, Х. Б. Межиева придерживаются точки зрения, что «криптовалюта является финансовой негосударственной банкнотой, используемой в обращении индивидуальными субъектами» [9, с. 25].

В свою очередь, Г. А. Родина отмечает, что «современная криптовалюта — предвестник полноценного электронного инструмента наивысшей ликвидности для универсального измерения стоимости» [7, с. 52].

При проведении сравнительного анализа между криптовалютами и цифровыми валютами центральных банков отметим, что эмитентами криптовалют выступают неопределенные лица либо частные компании. Они ничем не обеспечены, что является дестабилизирующим фактором, при этом востребованность криптовалют постоянно усиливается.

В свою очередь, цифровые валюты центральных банков обладают определенными преимуществами:

- обеспеченность центральным банком и, следовательно, снижение рисков, связанных с оборотом цифровой валюты;
- стоимость не зависит от рыночных колебаний;
- отсутствует анонимность;
- возможность использования в smart-контрактах;
- повсеместность приема;
- возможность использования офлайн.

В качестве примера можно привести цифровую валюту Китая как одного из лидеров в данной сфере. Полномасштабное

введение цифрового юаня планируется в текущем году к зимним Олимпийским играм в Пекине.

Отметим, что пандемия и переход к цифровой модели национальной экономики усилили значимость развития цифрового финансового рынка. И если раньше одним из приоритетных вопросов было развитие цифрового банкинга, то сейчас существенную роль стали играть именно цифровые валюты.

Хотя на мировом уровне существуют различные подходы к возможности использования криптовалют, в России этот вопрос вошел в число приоритетных относительно недавно.

Так, в январе текущего года начались дискуссии относительно правового регулирования криптовалют в России. И здесь существует две противоположные точки зрения. ЦБ РФ опубликовал доклад для общественных обсуждений «Криптовалюты: тренды, риски, меры»¹, в котором были выделены риски, связанные с развитием криптовалют в России. К примеру, высокая волатильность и значительная распространенность мошенничества, ограничение суверенитета денежно-кредитной политики, вывод сбережений граждан с территории страны, рост противоправной деятельности.

В качестве основной меры предлагается запрет на какое-либо использование криптовалют: как средства платежа за товары, работы, услуги, выпуск, организацию выпуска либо обращения криптовалюты, вложение финансовых организаций в криптовалюты.

В свою очередь, Минцифры России² придерживается позиции, что запрет на обращение криптовалют на национальном рынке не окажет положительного влияния, а лишь приведет к снижению темпов развития ИТ-сферы, а значит, к снижению уровня ее конкурентоспособности. Необходимо регулировать

¹ Доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» / Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

² Минцифры России считает, что запрет на обращение криптовалют драматически снизит темпы развития ИТ-отрасли и сделает ее неконкурентоспособной // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41419/> (дата обращения: 01.02.2022).

использование криптовалюты на территории страны, так как в противном случае это может привести к финансированию противоправных действий, мошенничеству в финансовой сфере и развитию финансовых пирамид.

Учитывая что одним из приоритетных направлений деятельности органов власти является формирование цифровой модели национальной экономики и в рамках данного направления создание условий для развития национальных разработчиков программного обеспечения, запрет криптовалюты нельзя отнести к удачным решениям.

Схожей позиции относительно необходимости запрета криптовалюты придерживается и Министерство финансов Российской Федерации¹. В частности, отмечается, что запрет высокотехнологичной индустрии нецелесообразен, так как за последнее время мир очень виртуализировался и необходимо формировать правовое поле для использования криптовалют и тем самым защитить граждан.

В целом можно выделить как риски, так и возможности, которые открываются для национальной экономики в связи с использованием криптовалют (см. таблицу).

Риски и возможности использования криптовалют для национальной экономики

Риски	Возможности
Рост теневого сектора экономики	Развитие цифровой инфраструктуры
Снижение уровня экономической безопасности	Развитие цифрового сегмента национального финансового рынка
Обесценивание национальной валюты	Привлечение иностранных инвестиций в различные проекты
Усиление влияния иностранного капитала	Защита граждан на рынке криптовалют при условии формирования соответствующей нормативно-правовой базы

Важно отметить, что вопросы запрета либо определения степени легализации криптовалюты связаны с реализацией цифрового рубля.

¹ Иван Чебесков рассказал о регулировании рынка криптовалют на конференции // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37756 (дата обращения 01.02.2022).

Первые упоминания о том, что рассматривается возможность введения третьей формы национальной валюты были в октябре 2020 г. С того времени уже прошли обсуждения и принята концепция цифрового рубля.

В январе текущего года начат пилотный проект по его внедрению в национальную финансовую систему.

Введение цифрового рубля находится в тесной взаимосвязи с задачей по деолларизации экономики, переходу к расчетам в национальной валюте.

Кроме того, вопросы цифровой трансформации являются приоритетными, а цифровая трансформация финансовой сферы позволяет не только сохранить суверенитет государства, но и повысить барьеры для входа на национальный рынок криптовалют.

Также это связано с вопросом усиления террористической напряженности в мире.

Введение цифрового рубля позволит расширить инструментарий макроэкономической политики, повысить конкурентоспособность национальной экономики и ее стабильность.

В то же время цифровой рубль связан с рядом рисков.

Во-первых, возможен рост кибермошенничества, что находится в тесной взаимосвязи с уровнем цифровой и финансовой грамотности населения, а также с кибербезопасностью.

Во-вторых, государство будет вынуждено понести существенные затраты на формирование цифровой инфраструктуры.

Возможные сложности с реализацией цифрового рубля связаны с менталитетом и скептическим отношением относительно новой формы денег. У определенных групп населения цифровой рубль ассоциируется с ростом контроля за денежными средствами.

Кроме того, сложности могут возникнуть в связи с недостаточной проработанностью нормативно-правовой базы. На данный момент сохраняются пробелы в законодательстве, и действующих норм права недостаточно для полноценного функционирования цифровой валюты. Отметим, что немаловажным фактором является правовое регулирование рынка криптовалют на территории России. Запрет криптовалют может привести к обратной ситуации, когда население и бизнес будут более ак-

тивно использовать криптовалюты, соответственно, будет наблюдаться отток финансовых средств с территории страны.

Органам власти необходимо решить проблемы с недостаточным уровнем цифровой и финансовой грамотности населения, а также с существенной поляризованностью территории с точки зрения доступности цифрового пространства. Так, отсутствие навыков работы с мобильным приложением либо цифровым банкингом приводит к росту недоверия к цифровому рублю и электронному кошельку.

Реализация цифрового рубля позволит развивать цифровые платежи на отдаленных территориях, где отсутствует качественный доступ к сети Интернет. Одним из возможных вариантов выступает переориентация населения с криптовалют на цифровой рубль, что может положительно отразиться на состоянии финансовой системы страны.

Библиографический список

1. Безуглый Э. А., Ткаченко В. В., Дудаев А. Б. О концепции внедрения цифрового рубля на территории Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 96–100.

2. Ваганова О. В., Быканова Н. И., Сорокин И. И., Кононыхин Д. И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России // Экономика. Информатика. 2021. Т. 48, № 3. С. 507–513.

3. Вершинина О. В., Лабушева Я. Г., Султанцев И. С. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «цифрового рубля» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 1. С. 51–60.

4. Григорьева Т. М. Цифровой рубль как дополнительная форма денег в России // Меридиан. 2020. № 18 (52). С. 219–221. URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=4608>.

5. Кисаров И. В. О переходе к цифровому рублю // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1 (53). С. 198–208.

6. Медведева Т. М., Новоселова Л. А., Новоселов М. А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 171–184.

7. Родина Г. А. Политэкономический подход к появлению криптовалюты // Теоретическая экономика. 2021. № 6 (78). С. 52–59.

8. Солдаткин С. Н., Сигов В. О. Цифровой рубль: особенности российской модели создания и функционирования национальной цифровой валюты // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 2 (106). С. 62–69.

9. Хаджиев М. Р., Батукаева Л. С. Э., Межиева Х. Б. Криптовалюта как форма частных денег в современной экономике // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. Т. 16, № 3 (21). С. 25–32.

10. Яковлев А. И., Затевахина А. В. Забытые титаны экономической мысли и цифровой рубль // Ученые записки Международного банковского института. 2021. № 1 (35). С. 156–179.

В. М. Пищулов

Цикличность развития российского фондового рынка

Статья посвящена вопросу становления и развития российского фондового рынка. Проблемы нынешнего состояния рынка ценных бумаг в России во многом обусловлены характером экономического развития страны в целом и спецификой развития фондового рынка в частности. Общей целью предлагаемой работы является попытка объяснения современных проблем в данной сфере и отыскания путей их решения посредством рассмотрения исторических особенностей экономического развития.

Ключевые слова: фондовый рынок; рынок ценных бумаг; классические ценные бумаги; акции; облигации; государственное регулирование рынка ценных бумаг.

Представления о необходимости становления и развития российского фондового рынка имеют довольно длительную историю. Развитие представлений о фондовом рынке, а следовательно, о финансовой науке в нашей стране непосредственно связано с попытками решения проблем обеспечения государственных нужд в денежных средствах, что в современном понимании следует отнести к вопросам государственного бюджета. Одной из первых работ, в определенной своей части посвященной такого рода проблемам, принято считать произведение, созданное автором хорватского происхождения Юрием Киржаничем. Идеи раннего меркантилизма излагаются в труде, озагла-

ленном «Разговоры о владетьстве» (или «Политика»). Как было принято среди такого рода авторов, произведение адресовано монарху, каковым в это время выступал Иван IV (Иван Грозный). Естественным образом круг интересов раннего меркантилизма включает в себя в современном понимании финансовую сферу, а именно охватывает проблемы платежного баланса страны и государственного бюджета [4, с. 137].

Работа несколько более позднего российского представителя меркантилизма И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», адресованная Петру I, содержит сведения о денежном обращении, вопросах наполнения государственной казны, внешней торговле [5]. В центре внимания исследования остаются государственные финансы.

Идеи представителей отечественной финансовой науки в XIX в. продолжают концентрироваться на проблемах налогообложения, сбалансированности государственного бюджета, укреплении национальной валюты. Государственные финансы остаются центральной темой исследований отечественных экономистов и практиков правительственного регулирования денежной сферы страны.

Специфической особенностью исторического развития национальной финансовой системы является то обстоятельство, что столь важная составляющая денежной системы страны, которой выступает банковская сфера деятельности, первоначально создается в форме государственных учреждений, а именно государственных банков. Первая попытка создания государственного кредитного учреждения во Пскове была предпринята в 1655 г. в рамках деятельности местного органа самоуправления «Земская изба». Это финансовое нововведение, предпринятое по инициативе значимого деятеля во времена царствования Алексея Михайловича, каким являлся Афанасий Ордин-Нащокин, просуществовало лишь один год. Первые реально действующие российские государственные банки появились лишь 100 лет спустя. В 1754 г. по указу Елизаветы Петровны были созданы два государственных банка: Дворянский заемный банк в Петербурге и такой же в Москве.

Банковская сфера в стране оставалась исключительно государственной до середины XIX в. Частные негосударственные

акционерные банки начали играть сколько-нибудь заметную роль в финансовой системе страны только после реформы 1861 г. В продолжение лишь одного пореформенного десятилетия в стране были учреждены 33 акционерных коммерческих банка и 11 акционерных земельных банков.

Столь важная составная часть финансовой структуры страны, каковой выступает система фондовых рынков, по своему формальному признаку, как это принято считать, начинает свое существование с момента учреждения товарной биржи, созданной по указу Петра I в Санкт-Петербурге в 1703 г. Изначально предполагалось, что биржа предназначается для ведения оптовой торговли. Вместе с тем торговля на площадках оптовых бирж неизменно связана с вексельным обращением и обращением срочных контрактов. Эта первая российская товарная биржа, на которой также торговались и простейшие ценные бумаги, была создана Петром I по образцу Амстердамской оптовой биржи и на протяжении последующих 100 лет оставалась сугубо государственным предприятием. Однако последующее развитие биржевой торговли и появление других товарных бирж (в Одессе, Варшаве, Москве) послужили ускорению развития фондового рынка в стране в XIX в. Во второй половине XIX в. на Санкт-Петербургской фондовой бирже был учрежден относительно обособленный и самостоятельный отдел фондовой торговли.

Характерной особенностью фондового рынка в этих условиях являлось то обстоятельство, что основными торгуемыми на этом рынке бумагами оставались государственные облигации. Кроме того, торговля частными ценными бумагами, такими как акции и облигации, на российском рынке подлежала жесткому регулированию со стороны государства.

Наиболее важные для развития экономики страны ценные бумаги, каковыми являются акции, появляются вместе с созданием акционерных компаний. Принято считать, что первое в российской истории акционерное общество было создано в 1757 г. и называлось «Российская в Константинополе торгующая компания». Формально половина из 200 предусмотренных к выпуску акций могли обращаться «в свободных руках» [1]. Попытки государственного регулирования акционерных обществ предпринимаются еще практически до того, как такие компании

появляются в сколько-нибудь заметном количестве. В частности, указом Екатерины II от 1782 г. были дарованы «выгоды, отличия, преимущества к распространению торговых предприятий», где предусматривается возможность создания «товарищества по участкам» — по своей сути своеобразных акционерных обществ [1]. Эти положения впоследствии были перенесены в торговый устав. Акционерные общества и акции на рынке появляются в российской практике фондовых рынков в начале XIX в. В это время возникают четыре акционерные компании с иностранным участием, действующие в сфере торговли.

Александр I Манифестом 1807 г. также предусматривал возможность создания «товарищества по участкам», одна из основных идей такого объединения капиталов состояла во введении ограниченной ответственности участников компании [1]. Реально торговля акциями на Санкт-Петербургской бирже отмечается лишь в 30-х гг. XIX в.

Совершенствование законодательства об акционерных компаниях нашло свое проявление в принятии «Положения о компаниях на акциях», утвержденного Николаем I в 1835 г. [1]. Этот законодательный акт накладывал жесткие ограничения на торговлю акциями.

Заметный рост оборота торговли акциями отмечен в конце 50-х и 60-е гг. XIX в. В следующие два десятилетия интерес к данному фондовому инструменту в определенной степени снижается. Новый скачкообразный рост рынка акций в стране имеет место в 90-е гг. XIX в. Эта тенденция сохранится до 1914 г.

Фундаментальные изменения во взглядах и подходах к характеру экономического развития страны и, в частности, к проблемам фондового рынка произошли после совершения переворота 25 октября 1917 г., который впоследствии именовался Великой Октябрьской социалистической революцией.

Новая Советская власть отрицательно относилась к товарной системе общественного производства, порождающей частную собственность, в том числе к операциям на фондовом рынке. Советское правительство в лице Совета народных комиссаров декретом от 23 декабря 1917 г. запретило любые операции с ценными бумагами. В начале 1919 г. все частные компании, в том числе акционерные общества, были национализированы и превращены в государственные предприятия.

Существенные изменения во взглядах на необходимость рынка ценных бумаг произошли вместе с возвратом к системе товарного производства после перехода к так называемой «новой экономической политике», или к НЭПу. Восстановление денежных отношений, а следовательно, возрождение финансовой системы страны имело своим естественным результатом возвращение к необходимости создания и функционирования акционерных обществ.

Первое акционерное общество в новых советских условиях было создано в феврале 1922 г. К концу этого года уже было создано 20 компаний акционерной формы собственности. В 1925 г. таких компаний насчитывалось более 150 [1]. Естественным образом был восстановлен рынок акций, на котором торговались ценные бумаги этих компаний.

Новый поворот в системе фондовых рынков произошел вместе с отказом от политики НЭПа. В начале 1930-х гг. все акционерные компании в стране были преобразованы в государственные предприятия. Вместе с тем продолжал существовать и развиваться весьма своеобразный и специфический рынок государственных облигаций. Существовала система государственного страхования. Коммерческие банки были преобразованы и объединены в систему государственного банка. Государственные финансы были представлены главным образом в бюджетной сфере. Таким образом, финансовая сфера, изменив свою форму и назначение, неизбежно проявляет себя уже в силу существования самих денежных отношений.

Практическая необходимость специфической формы товарных отношений, а следовательно, системы денежных отношений, проявившаяся в 1920-е гг., требовала определенных научных теоретических обоснований. От финансовой теории в новых условиях требовалось, чтобы данные воззрения не входили в противоречие с господствующими в то время общими социалистическими идеями. Финансовая доктрина должна была согласовываться с разрабатываемой моделью социалистического хозяйствования.

Одной из первых теоретических систем, положенных в основу представлений о социалистических финансах, была так называемая «распределительная концепция». Создателем этой системы взглядов на роль денежных отношений, финансовой

системы в условиях всеобъемлющего государственного хозяйствования принято считать Василия Петровича Дьяченко. Определение финансов в условиях социалистического государственного хозяйствования формулировалось следующим образом. Социалистические финансы есть «система денежных отношений, на основе которых через плановое распределение доходов и накоплений обеспечивается образование и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов государства в соответствии с его функциями и задачами» [3]. Это направление идей, обосновывающих необходимость финансовых отношений в сложившихся экономических условиях, послужило основой системы взглядов на социалистические финансы, получившей обобщающее наименование «московской школы финансов».

Несколько отличные методологические положения, характеризующие роль, значение и функции финансов в системе государственного хозяйствования, принято называть «воспроизводственной школой финансов». Концепция воспроизводственной школы финансов предлагалась представителем «ленинградской школы финансов» А. М. Александровым. Отличие данной системы взглядов на сущность социалистических финансов от распределительной концепции состояло в том, что денежным отношениям отводилась кроме распределительной и контрольной функций также роль и функция опосредования движения производственных фондов. Эти представления в полной мере согласовывались с воспроизводственной моделью К. Маркса, описывающей движение капитала в рыночных условиях капиталистического хозяйствования. Определение финансов в системе государственного социалистического хозяйствования формулировалось следующим образом. Финансы есть «система денежных отношений, опосредствующих кругооборот производственных фондов в народном хозяйстве на расширенной основе и обеспечивающих образование и использование различных фондов для удовлетворения разнообразных потребностей социалистического общества» [3].

К ленинградской школе финансов принято также относить так называемую «правовую концепцию» определения социалистических финансов, автором которой считается Э. А. Вознесенский. Суть данной системы взглядов сводится к тому, что

денежные или финансовые отношения в условиях социалистического хозяйствования могут возникать и функционировать только будучи опосредованными и регламентированными принятием соответствующих государственных нормативных актов. В соответствии с этими взглядами определение финансов существенно упрощается: финансы представляют собой «систему денежных отношений, имеющих императивную форму» [2].

Вместе с экономическими реформами 1990-х гг. представления об особенном характере социалистических финансов ушли в прошлое вместе со специфической системой государственного хозяйствования во всех сферах экономической деятельности. В этот период было декларировано, что страна возвращается к общемировым принципам рыночного ведения хозяйства. Соответствующим образом изменяются взгляды и теоретические концепции, характеризующие функционирование денежной или финансовой сферы.

Современная экономическая реальность страны обусловлена характером и специфическими особенностями предшествующего исторического развития. Нынешнее состояние и тенденции процессов последних трех десятилетий в финансовой сфере несут на себе отпечаток событий истории большей части XX в. Главной особенностью российской финансовой системы и важной составляющей части этой системы — фондового рынка — выступает всеобъемлющее государственное регламентирование и жесткий административный контроль.

Библиографический список

1. *Васильева В.* Как Николай I запретил продажи без покрытия // Коммерсантъ Деньги. 2003. № 4. С. 42.
2. *Вознесенский Э. А.* Финансы как стоимостная категория. М.: Финансы и статистика, 1985. 159 с.
3. *Дьяченко В. П.* Сущность и функции советских финансов // Вопросы теории финансов: сб. ст. М.: Госфиниздат, 1957. С. 53.
4. *Зайков В. П.* Эволюция и современные научные направления российской финансовой школы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 3. Ч. 2. С. 137–141.
5. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 354 с.

Перспективы развития цифровых активов в проекции цикличности развития экономики

Рассматривается парадигма развития цифровых активов. Отмечается ее распространение как в реальном секторе экономики, так и в части присутствия финансовых инструментов и институтов. Автор делает вывод, что данная проекция развития, направленная на дальнейшую цифровизацию рынка в целом, увеличивает рискованность совершения операций на открытом рынке.

Ключевые слова: рынок; финансовый рынок; цифровые активы; цикличность; риск финансовых операций.

В настоящее время современный рынок практически во всех странах, как в развитых, так и в переходных экономиках, проецирует запрос большего количества участников на резкое увеличение скорости совершения различных операций. Увеличение скорости проведения операций должно сопровождаться ростом удобства и надежности. Некоторые экономисты, как ученые, так и занимающиеся практической деятельностью, ведут разговор о снижении стоимости совершения данных транзакций в связи с большей их виртуализацией. В общем и целом в данной парадигме можно оценить именно цифровые инструменты, которые могут быть рассмотрены в качестве базиса для всей трансформации финансовых активов с переходом на цифровую платформу.

Некая метка или знак цифровой платформы, который будет характерен практически для каждого финансового актива, наличие криптознака. Наиболее характерным и ярким подобным знаком представляется криптовалюта¹. По сравнению с другими криптоактивами криптовалюта видится самой волатильной группой финансовых активов.

В соответствии с исследованиями некоторых ученых и работников-практиков, например по данным лаборатории Касперского, каждый восьмой человек в мире применял криптовалюту в расчетах [4].

¹ Криптовалюта, как типичный и отличительный признак инструмента, на 100 % представленного только в цифровом формате, на финансовом рынке видится как наиболее очевидный инструмент цифровизации.

Кроме того, если обратить внимание в целом на все операции с финансовыми активами, каким-либо образом связанными или базирующимися на цифровых платформах, то можно увидеть, что динамика объемов криптовалюты и криптоактивов имеет тенденцию к резкому изменению цен на финансовые активы, которые эмитируются в цифровой форме.

Более того, если рассматривать любые криптоактивы в таком ракурсе, то их «взрывная волатильность» может быть причиной резкого изменения макроэкономических показателей по всей экономической системе в целом¹. Подобное изменение будет вполне логичным фактором, влияющим на возникновение колебаний в двухфазной модели любой экономической системы. Это может оказать существенное влияние на динамику объемов экономической системы, где используются и применяются активы, имеющие в своей основе криптографический базис.

В целом, если посмотреть на опыт других стран, то мы можем увидеть, что многие экономики ориентируются на перспективу использования и применения подобных активов. Например, в Германии, Франции при внедрении криптографических платформ на финансовом рынке уделяется внимание внедрению данных алгоритмов в платежных инструментах. В частности, цифровизация платежного инструментария на базе распределительных реестров видится вполне перспективной сферой применения криптографических алгоритмов. Данная перспектива уже в настоящее время видна в платежном инструментарии Европейского союза [2].

Важным и наиболее значимым решением в этой плоскости, т. е. в плоскости привлечения криптографических активов на российский финансовый рынок, представляется использование криптографических алгоритмов на платформах и в продуктах Банка России. Так, в соответствии с позицией ЦБ РФ Центральный банк как бы стоит перед определенным выбором. Выбор заключается в возможности построить современную платежную систему цифрового рубля с применением обычного и, так скажем, традиционного централизованного аппарата или

¹ Понятие взрывной волатильности означает резкое изменение цен и (или) показателей цены на соответствующие активы, или правильнее — финансовые активы.

применить новый, децентрализованный подход к строительству платежной системы государства. Децентрализованный подход предполагает использование и строительство платежной инфраструктуры на базе цифровых реестров, базирующихся на технологии удаленного доступа¹.

Более того, концепция цифрового рубля Центрального банка предполагает, что наиболее применимым и наиболее предпочтительным может быть использование так называемой гибридной архитектуры и совокупности нескольких платежных платформ. По планам Банка России все платежные платформы и, как проекция, все финансовые инструменты должны быть сопряжены в платежных реестрах с использованием обязательных специализированных компонентов для процессинга операций.

Но, в свою очередь, исходя из концепции и парадигмы, изложенных в документах ЦБ РФ, достаточно сложно дать четкий ответ, чтобы сложилось понимание относительно реальных целей и задач, которые перед собой ставит мегарегулятор. К примеру, в рамках подобного подхода в Концепции развития финансового рынка в целом представлено, что эта модель предполагает существование закрытых централизованных систем, в которых осуществляются операции с различными финансовыми инструментами. Данные системы предусматривают вариант достаточно «жесткого» распределения функциональных обязанностей различных участников финансового рынка. Второй путь предполагает развитие цифровой национальной платежной системы на базе рубля с применением криптографических алгоритмов².

В этой связи необходимо отметить, что существующие подходы к организации и структурированию платежных систем имеют принципиальные расхождения с подходами, предлагаемыми криптографическими платформами. Эта особенность позволяет параллельно использовать приведенные платформы.

¹ Данная система в перспективе рассматривается Банком России для модифицирования инструментария всего финансового рынка Российской Федерации — это концепция маркетплейса Центрального банка.

² Валюта, имитированная на базе цифрового рубля, может быть представлена цифровым рублем. Возможность и перспективы введения цифрового рубля неоднократно обрисовывались в прогнозах ЦБ РФ [6].

Однако общей и признанной концепцией цифрового рубля представляется концепция валюты, использование которой основано на применении не только криптографических алгоритмов, но и системы распределенных реестров, которая взаимодействует в платежном пространстве с иными финансовыми инструментами. В подобной взаимосвязанной системе могут существовать только обладающие общими признаками инструменты, похожие, например, на «электронные деньги».

Схожесть рассматриваемого инструментария обуславливается похожими принципами формирования расчетно-платежного пространства [5]. Однако в подобных системах присутствует и определенное различие, в частности в формах взаимодействия участников рынка.

Например, электронное взаимодействие различных участников при осуществлении операций с финансовыми инструментами в традиционных электронных системах, осуществляющих платежи, не всегда предполагает наличие прямого взаимодействия участников процесса. При такой системе связующим звеном между всевозможными участниками сделки на финансовом рынке может быть инструмент, посредством которого и была заключена сделка. Такой инструмент может базироваться на цифровой основе [1].

Однако в первом приближении «только цифровая» основа не всегда может обеспечить приемлемый уровень предсказуемости результата финансовой операции на рынке. Например, практически все расчеты с цифровыми активами на финансовом рынке осуществляются только в автоматическом режиме проведения транзакций, в этой последовательности и идет процесс перетекания цифровых активов, или цифровой наличности, из одного ресурса в другой, т. е. из одного электронного кошелька в другой.

В подобном случае обратим внимание на процесс идентификации и отдачи распоряжения по совершению операции с финансовыми активами. В рамках данного процесса цифровое взаимодействие различных экономических субъектов проходило и проявлялось на базе применения криптографических алгоритмов.

При реализации такого процесса может проходить последовательное развитие бесконтактной системы оплаты или взаимодействия между различными участниками сделок на финансовом рынке. В данном отношении применение криптографических алгоритмов может привести не только к дальнейшей виртуализации всей системы совершения сделок на финансовом рынке, но и к увеличению рискованности совершения транзакций¹. Это связано с тем, что сама транзакция, проведенная в данной системе, обязательно должна содержать профиль участника операции. Ключевые элементы профиля участника сделки могут быть также доступны неограниченному кругу лиц, что, как уже было указано, сделает и сам процесс заключения сделки с финансовыми активами доступным широкой аудитории.

В данном контексте необходимо особо отметить, что Банк России предполагает внедрение кардинально новой системы, предусматривающей введение не только криптовалюты, но и криптовалютных активов и в целом иных цифровых инструментов на криптографической платформе или с ее элементами. Рассматриваемая система, даже по мнению Банка России, имеет ряд существенных недостатков, один из которых — не всегда продуманный доступ к паролю и (или) ключу оператора или иного участника сделки [3].

Практика иных подобных систем показывает, что в легитимной «нормальной» системе оператор, участвующий в совершении сделки на рынке в рамках платформы, не должен обладать полным набором ключей доступа ко всем инструментам и участникам. Оператор также не должен иметь возможности и быть вправе абсолютно самостоятельно определять и проецировать свои действия на рынке без дополнительного контроля.

В рамках функционирования и интеграции инновационных технологий на финансовом рынке в национальную платежную систему пока действия Центрального банка скорее ограни-

¹ В первом приближении при внедрении системы таких транзакций риск проведения сделок вроде бы должен уменьшиться, но в реальности может наблюдаться противоположная ситуация — увеличение риска утечки информации и, как следствие, риска незавершения и (или) неправильного завершения операций на рынке.

чивают и сковывают процесс внедрения новых технологических решений. Что не способствует развитию рынка и уменьшению риска в целом на рынке и в платежной системе в частности.

Для интеграции всего рыночного пространства в рамках одной или нескольких цифровых платформ необходимо для начала провести относительно приемлемый анализ применения или возможности применения данного инструментария на всем финансовом рынке [3].

Для примера можно рассмотреть таблицу.

Наиболее торгуемые инструменты финансового сектора за 2011–2021 гг.

Акционерное общество	Последняя цена акции	Объем	Объем, цена	Рыночная капитализация
ПАО «БАНК «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ» АО	82.31RUB	241.97K	19.917M	39.143BRUB
СВОМ «МКБ» ПАО АО	6.556RUB	49.667M	325.616M	219.031BRUB
INGR ИНГРАД ПАО АО	1693RUB	30.259K	51.228M	69.787BRUB
LSRG ГРУППА ЛСР ПАО АО	578.2RUB	146.979K	84.983M	59.572BRUB
ПАО МОСКОВСКАЯ БИРЖА	149.53RUB	6.32M	945.051M	341.187BRUB
POSI ГРУППА ПОЗИТИВ АО	896.2RUB	18.22K	16.329M	–
RENI РЕНЕССАНС СТРАХОВАНИЕ АО	98.00RUB	468.21K	45.885M	–
ROLO «РУСОЛОВО» ПАО АО	8.420RUB	233.1K	1.963M	25.261BRUB
SBER СБЕРБАНК	293.89RUB	37.671M	11.071B	6.588TRUB
SFIN ЭСЭФАЙ ПАО АО	528.0RUB	3.13K	1.653M	58.945BRUB
SMLTGK САМОЛЕТ АО	4760.2RUB	10.607K	50.491M	293.13BRUB
SPBE СПБ БИРЖА АО	964.0RUB	165.072K	159.129M	–
TCSG ГДР TCS GROUP HOLDING ORD SHS ДР	5991.8RUB	164.133K	983.452M	1.186TRUB
USBN БАНК УРАЛСИБ ПАО АО	0.0966RUB	18.36M	1.774M	34.825BRUB
VTBR БАНК ВТБ	0.047090RUB	35.005B	1.648B	610.974BRUB

Примечание. Рассчитано и составлено по данным ПАО «Московская биржа».

Исходя из данных таблицы можно видеть как в целом увеличение объемов торговли по наиболее ликвидным инструментам, так и увеличение рыночной капитализации у большинства инструментов, что отчасти связано с внедрением и трансформацией самих финансовых инструментов на рынке (это связано и с привнесением цифрового, а после 2016 г. и криптографического инструментария)¹.

Это предполагает развитие двух возможных вариантов:

1) практически все финансовые активы, на которые может оказать влияние ЦБ РФ, в том числе сами цифровые системы Центрального банка и иных кредитных организаций, разделяются по характеру деятельности эмитента этих систем и инструментария, эмитированного этими системами, для обращения в этих системах с минимальным риском, по мнению представителей Центрального банка;

2) при структурировании данной системы основным условием присоединения к ней для кредитных организаций будет обеспечение большего объема резервирования по подобным активам.

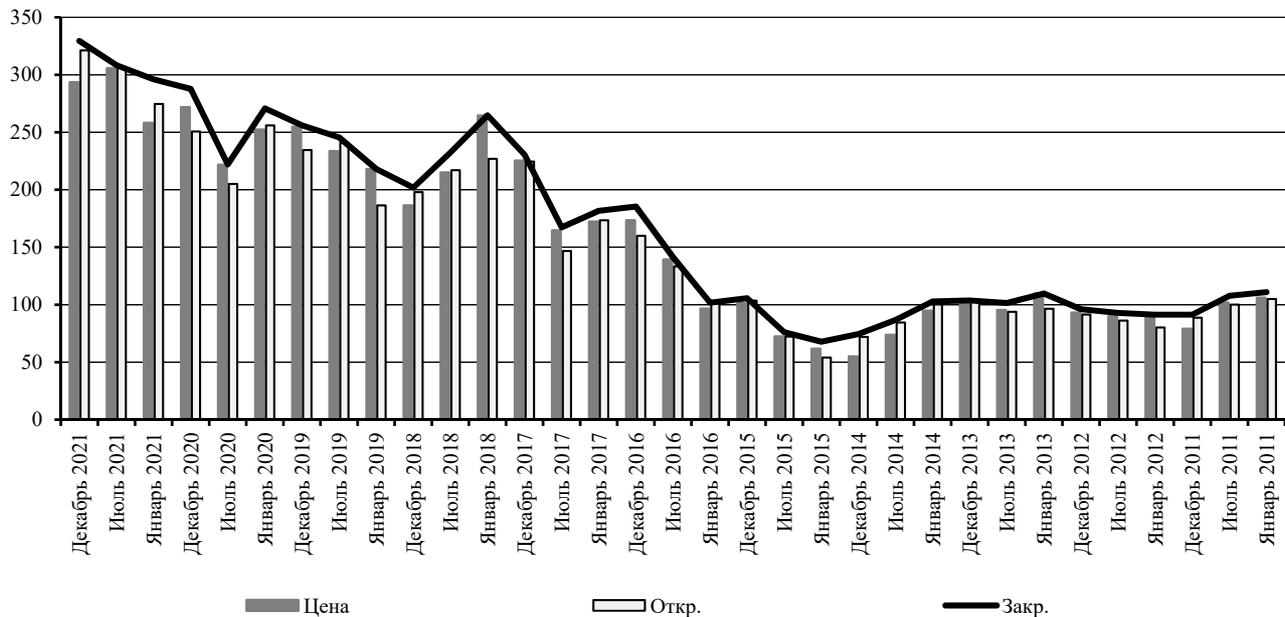
В общем и целом обе эти системы не совсем гармонично могут быть встроены в рынок.

Например, если мы посмотрим более детально на динамику любого из представленных активов, то уровень изменения их ценовых показателей на рынке за 10 лет очень значителен, и он не всегда связан с внедрением новых сервисов. Обратимся к рисунку, где мы покажем изменение цен обыкновенных акций Сбербанка за тот же период.

На рисунке можно увидеть достаточно существенные коррекционные волны в 2017 г., начале 2019 и 2020 гг. Эти волны, за исключением 2020 г., пожалуй, свидетельствуют о нестабильном положении данного актива на рынке².

¹ Данная динамика не отражает последние события на финансовом рынке, в рамках которых произошел спад на Московской бирже. По основным инструментам спад составил более 7 %, причину этого многие ученые-экономисты связывают с нарастанием политической нестабильности на границе с Украиной.

² Необходимо отметить, что из всех представленных эмитентов ПАО «Сбербанк» видится как наиболее технологичный.

Динамика изменения цен на обыкновенные акции ПАО «Сбербанк» за 2011–2021 гг.¹, р.

¹ Составлено по данным портала Investing.com. URL: https://ru.investing.com/equities/sberbank_rts-historical-data (дата обращения: 01.02.2022).

Таким образом, любой цифровой актив представляется активом с большей долей риска на рынке по сравнению с иным активом реального сектора экономики. Цифровизация в этом отношении может оказывать существенное влияние на динамику циклического развития любой экономической системы, так как она увеличивает рискованность проведения сделок.

Библиографический список

1. *An impossible job* // The Economist. 2021. March 1. P. 20–23.
2. *An Oil War in Your Pensions* // Bloomberg Businessweek. 2021. July 4–10. P. 10–11.
3. *Becoming more Chinese* // The Economist. 2021. January 30 — February 5. P. 17–19.
4. *Big tech down under* // The Economist. 2021. January 30 — February 5. P. 51–53.
5. *Brzezinski Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the XXI Century.* New York: Robert Stewart Book, 1993. 240 p.
6. *Buttonwood: Paying the Price* // The Economist. 2010. January 2–8. P. 53–55.

Т. С. Орлова

Технология блокчейн как инструмент повышения эффективности и конкурентоспособности компании

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования в практике предприятий современных цифровых технологий с целью повышения эффективности и контроля управления. Выделяется технология блокчейна; обозначены проблемы, преимущества и перспективы ее внедрения.

Ключевые слова: блокчейн-технология; эффективное управление и контроль; бизнес-процесс.

Эффективное управление каждым элементом структуры компании, выполняющим ряд важных для поддержания жизнедеятельности компании задач по функционированию процессов, является ключевым источником прибыли и конкурентным преимуществом действующих компаний на рынке. В условиях жесткой конкуренции, быстро изменяющейся экономической среды

важно усилить свои позиции на всех уровнях системы управления компании.

Автор считает целесообразным в условиях цифровизации экономики использование технологии блокчейна в структуре управления компании с целью повышения эффективности ее деятельности и укрепления конкурентоспособности [1].

Первое упоминание и теоретическое описание технология блокчейн (англ. block chain) получила в далеком 1991 г., тогда она не нашла свою аудиторию и не получила широкой популярности и развития. Практическое применение отложилось до 2008 г., когда небезызвестный уже Н. Сатоши создал и описал первую версию технологии программного обеспечения. Первое техническое применение было использовано в поддержании уникальной на тот момент электронной валюты Биткойн (англ. Bitcoin). Были сгенерированы блоки, которые позволяли осуществлять транзакции между участниками и владельцами валюты, без участия сторонних посредников, с сохранением информации о сделках.

После первого применения в электронной валюте блокчейн получил признание со стороны ученых, как технология, и широкую популярность во всем остальном мире.

Теперь технологию блокчейн можно встретить практически во всех отраслях, от финансовой структуры банка до контроля ресурса на промышленном предприятии или в розничной сети. Такое развитие соответствует эпохе четвертой промышленной революции — индустрии 4.0, которая имеет главную характеристику, связанную с массовым внедрением кибертехнологических систем в структуру предприятий.

Уральскими учеными были проанализированы и систематизированы научные представления и теории ряда исследователей в этой области [4].

В современном мире блокчейн — одна из самых инновационных и быстроразвивающихся технологий, она включает в себя распределенную базу данных, у которой отсутствует централизованное подключение к общему серверу. База данных постоянно увеличивается за счет появления новых упорядоченных записей, называемых блоками. Такой блок включает в себя метку со временем и данные о предыдущем блоке транзакции. Ис-

пользование шифра дает гарантию, что независимый посредник сможет изменить данные о вашей сделке, тем самым шифрование создает синхронизированные копии во всех блоках цепочки у каждого пользователя [2].

Специалисты прогнозируют стоимостную оценку бизнесов, основанных на цифровой технологии, к 2025 г. более 176 млрд долл., а к 2030 г. более 3,1 трлн долл. [3].

Внедрение внутри компании технологии блокчейн сможет стать ключевым решением по повышению эффективности деятельности на всех этапах реализации услуг путем открытого доступа внутри компании для всех членов ее структуры.

Каждый участник сможет в реальном времени посмотреть этапы реализации каждого проекта и внести дополнения, написав комментарии к проделанной или будущей работе.

Блокчейн позволит создать систему документооборота, при этом каждый отдельный блок документов будет ссылаться на определенную сделку — это позволит снизить риски потери документов и риски потери дополнительного времени на их переоформление.

Таким образом, мы сможем систематизировать поток информации и выполнение услуг и на выходе получать качественный результат выполненных работ с минимальными затратами.

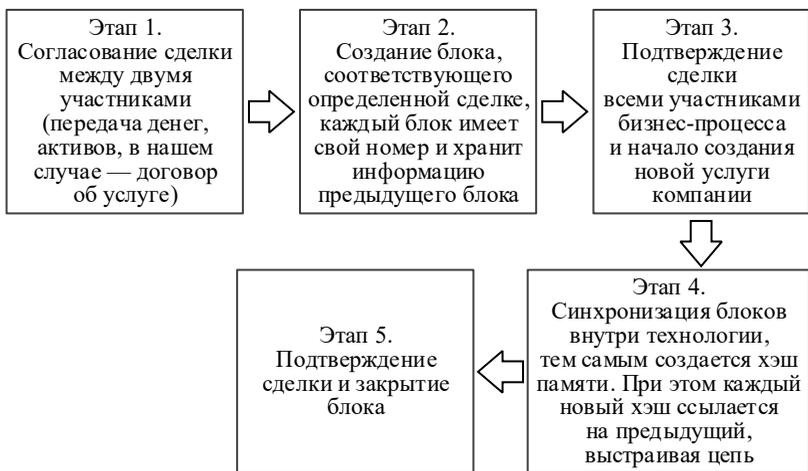
Особое внимание необходимо уделить применению технологии блокчейн в контроле и управлении компанией.

Если цепочку бизнес-процессов сделать прозрачной и видимой для заинтересованных сторон, то это поможет завоевать доверие потребителей к продуктам и услугам.

Современным бизнес-процессам нужна система, которая обеспечит соблюдение стандартов безопасности для всех сторон, имеющих доступ к полному набору данных об истории продукта.

На рисунке представлена схема создания нового блока внутри технологии.

Именно блокчейн обеспечит понимание цепочки создания стоимости и контроль над ней, потому что все будет отражаться в списке действий, видимых в режиме реального времени. Если в цепочке есть дефектные сегменты, то с блокчейном их можно легко отследить до уровня сотрудника.

Создание нового блока внутри технологии

Главными качествами технологии являются ее прозрачность, безопасность и децентрализованность, которые позволяют компаниям приобретать следующие преимущества на фоне конкурентов:

- прозрачность осуществляемых операций для всех контрагентов, независимо от сферы деятельности;
- высокая защищенность передачи данных, снижение сбоев и мошенничества на этапах операции;
- упрощение и сокращение документооборота, следовательно, ускорение передачи информации;
- отсутствие централизации или главного лица по процессам, снижение необходимости в услугах посредников, при равных правах каждого участника и контрагента;
- активизация интеграции организаций из различных стран в международных сделках.

Для того чтобы понять преимущества технологии блокчейн, можно рассмотреть одноуровневую модель бизнеса, которая предполагает взаимодействие между собой двух физических лиц.

В этой модели отдельные участники цепочки напрямую взаимодействуют без посредников. Эта схема уже используется и в других сферах (например, финансовая платформа), но воз-

возможность проверки транзакций в блочной цепочке не применяется к такой модели.

Само название «блокчейн» уже говорит о том, что технология имеет взаимосвязанную и взаимно дополняемую блочную структуру. Данная система позволяет поддерживать и сохранять полный объем информации на постоянной основе.

Следовательно, мы можем предложить рассмотреть технологию блокчейн как релевантную возможность решения проблемных задач внутри бизнеса. Данный тип внедрения технологии позволит систематизировать процесс управления цепочкой поставок целиком.

Сравнение способов обработки и хранения информации (см. таблицу), которая включает в себя бумажный, электронный и цифровой вариант баз данных, позволяет выявить главные причины ухода от бумажного оборота и перехода к цифровым способам хранения.

Одним из примеров практического использования блокчейна станет применение технологии в сфере безопасности. Первоначально материалы, приходящие в организацию и проходящие регистрацию по серийному номеру, на всем пути цепей поставок, начиная от производителя и заканчивая покупателем, фиксируются в блоке, создавая полный комплекс информации о сделке и организуя реестр. Таким образом, каждый участник имеет доступ к полной информации о товаре по номеру продукта.

Независимо от вида, технология блокчейн характеризуется такими ключевыми особенностями, как:

- децентрализация. Отсутствие централизованного контроля, обслуживание цепочки блоков происходит совместно;

- прозрачность. Информация, записанная в блокчейне, доступна каждому участнику. Подмена информации в цепочке блоков невозможна;

- неограниченность. Технология в теории не имеет ограничений в масштабах хранимой информации; все ограничивается вычислительными ресурсами, которые применяются для обработки блокчейна;

- надежность. Консенсус узлов при новой записи блока обеспечивает защиту от поломки и взлома отдельного компьютера в сети блокчейн, также отсутствует возможность подмены или повреждения информации и ее фальсификации.

Сравнение типов по способу обработки и хранения информации

Характеристика	Блокчейн	Журнал записи	Электронное отслеживание
Надежность	Высокая	Низкая	Средняя
Возможность взлома	Низкая	Присутствует человеческий фактор	Низкая защита централизованных серверов
Сложность алгоритма	Необходим специалист по технологии блокчейн	Сложность отсутствует	Специалист по программированию
Массовость	Возможно	Использование ограничено	Широко применимо в различных отраслях
Возможность подмены данных	Отсутствует возможность совершить подмену незаметно	Подмена легко совершаема	Возможность подмены присутствует
Возможность удаления данных	Отсутствует возможность	Возможно физическое уничтожение данных	Трудновыполнимо
Возможность совершенствования технологии	Способна изменяться	Невозможно	Есть способы модернизации
Актуальность технологии	Совершенно новая	Устаревшая	Относительно новая

Большое число предприятий с помощью технологии блокчейн сможет повысить эффективность в следующих сферах:

- инвентаризация внутри предприятия;
- поток сырья и материалов по цепочке;
- учет на складах;
- контроль производственного процесса;
- документооборот и составление контрактов;
- снижение срывов и отсутствия деталей на производстве;
- др.

Платформа блокчейн лежит в основе развития новых бизнес-моделей, а также пересмотра уже имеющихся путем детального изменения одного или нескольких компонентов внутри структуры.

В развитии могут применяться:

1) собственные технологии на основе блокчейна либо взаимная разработка участников профессиональной сферы путем замены части управленческих и бизнес-процессов, связанных с технологиями;

2) использование базовой версии технологии блокчейн без собственного вмешательства и изменения структуры;

3) обращение к открытым децентрализованным универсальным платформам, предоставляющим услуги каждому участнику экосистемы.

Таким образом, внедрение технологии блокчейн предоставит компании возможность более тщательного контроля и планирования бизнес-процессов, в дополнение смарт-контракты станут основой эффективного взаимодействия при управлении и контроле сторон сделки, а также будет внедрена функция независимого участника по решению конфликтов. Сама технология находится на стадии доработки и развития, поэтому в настоящий момент целесообразно задуматься о том, каким образом технологии будут развиваться в дальнейшем и какое место в развитии бизнеса займет блокчейн.

Исследуемая проблема, безусловно, является сложной и многоаспектной. В связи с этим в условиях цифровой экономики актуальна объективная потребность в продолжении научной и практической проработки аспектов внедрения современных технологий.

Библиографический список

1. *Афанасьев Г. В., Орлова Т. С.* Блокчейн как инструмент планирования бизнес-процессов в условиях цифровизации // *Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27 октября 2021 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 110–113.*

2. *Леви Д. А.* Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы // *Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 148–158.*

3. *Лелу Л.* Блокчейн от А до Я. М.: Эксмо, 2018. 322 с.

4. *Предприятие в условиях цифровой трансформации: экономика и управление / Я. П. Силин, А. Н. Головина, Е. Л. Андреева и др.; под ред. Я. П. Силина.* Екатеринбург: ТРИКС, 2021. 343 с.

Сведения об авторах

Анимица Евгений Георгиевич — доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный советник при ректорате, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Виноградова Екатерина Юрьевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Дианова Лариса Сергеевна — категорийный менеджер ООО «РОРО-Екатеринбург» (г. Березовский); соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Заборова Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Леонтьев Александр Игоревич — главный специалист Департамента экономики Администрации города Екатеринбурга; соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Логинов Михаил Павлович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Мисюра Андрей Васильевич — генеральный директор АО «НПО автоматики имени академика Н. А. Семихатова»; соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Новиков Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, ректор Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа)

Новикова Наталья Валерьевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Огородникова Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орехова Светлана Владимировна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орлова Татьяна Степановна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пищулов Виктор Михайлович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Плахин Андрей Евгеньевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пьянкова Светлана Григорьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Рахмеева Ирина Игоревна — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета; начальник отдела совершенствования регуляторной политики Министерства экономики и территориального развития Свердловской области (г. Екатеринбург)

Силин Яков Петрович — доктор экономических наук, профессор, президент Уральского отделения Вольного экономического общества России, ректор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Сорокина Екатерина Александровна — соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Стрельников Евгений Викторович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Усова Наталья Витальевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Харитоненко Олеся Викторовна — депутат Евпаторийского городского совета (г. Евпатория, Республика Крым); соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Чернышев Константин Валерьевич (епископ Каллиник) — епископ Бахчисарайский, викарий Симферопольской епархии (г. Симферополь); соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Чудиновских Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Содержание

Анимиа Е. Г., Чернышев К. В. Справедливость — основа социально-экономического развития новой России.....	3
Заборова Е. Н. Духовно-нравственная культура России в современную информационно-цифровую эпоху.....	13
Новиков С. В. Развитие научно-образовательной деятельности университета на основе создания Единого инновационного комплекса.....	19
Силин Я. П., Харитonenко О. В. Особенности муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым.....	30
Мисюра А. В., Орехова С. В. Предпринимательские экосистемы: новый взгляд на развитие территорий и отраслей.....	41
Виноградова Е. Ю. Экспертные системы поддержки принятия решений на основе нейросетевых механизмов.....	46
Плахин А. Е., Блинков И. О. Механизмы координации ресурсного обмена.....	52
Калабина Е. Г. Экономические проблемы цифровизация HRM-системы.....	58
Чудиновских М. В. Влияние пандемии на рынок труда: мировые тренды и ситуация в России.....	66
Новикова Н. В., Дианова Л. С. Пандемия COVID-19 — катализатор цифровой трансформации регионального потребительского рынка.....	72
Огородникова Е. С. Организационные основы функционирования сферы социальных услуг.....	81
Новикова Н. В., Леонтьев А. И. Проекция теории поляризованного развития в документах стратегического планирования субъектов Российской Федерации (на примере Уральского макрорегиона).....	86
Рахмеева И. И. Регуляторная политика регионов России в условиях постковидного развития.....	94
Пьянкова С. Г., Сорокина Е. А. Инвестиционное развитие ресурсодефицитного региона в условиях пандемии.....	103
Усова Н. В., Логинов М. П. Цифровой рубль и криптовалюты: конкуренты или партнеры?.....	110
Пищулов В. М. Цикличность развития российского фондового рынка.....	116
Стрельников Е. В. Перспективы развития цифровых активов в проекции цикличности развития экономики.....	123
Орлова Т. С. Технология блокчейн как инструмент повышения эффективности и конкурентоспособности компании.....	131
Сведения об авторах.....	138

Научное издание

НАУКА — ОБРАЗОВАНИЕ — ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РИСКИ

Сборник научных трудов
IX Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук

Корректор
Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка
И. В. Засухиной

Поз. 35. Подписано в печать 27.06.2022.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать плоская.
Уч.-изд. л. 6,5. Усл. печ. л. 8,4. Печ. л. 9,0. Тираж 16 экз. Заказ 325.
Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

